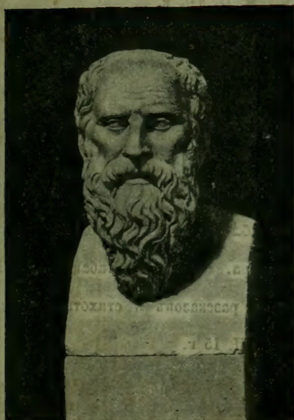

3 1761 06552637 8

ГРЕЧЕСКІЙ МУДРЕЦЪ

ДІОГЕНЪ.

Составилъ
П. И. Бирюковъ.

Изданіе „Посредника“.

№ 97.

Третье изданіе.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1910.

Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

Сборники разсказовъ, притчъ и стихотвореній.

Абдулка музыкантъ и др. разсказы. Ц. 3 к.

Дитя и мать: Одна. Разсказъ И. Горбунова-Посадова. **Мачеха.** Разсказъ В. Лукьянской. **На привалѣ.** Разсказъ Уйда. Ц. $1^1/_2$ к.

ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ, И. Жить—любви служить. Сборникъ былей и стиховъ разныхъ авторовъ о братской любви. Ц. 8 к.

На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Сборникъ. Ц. 3 к.

Русскія пословицы. Собралъ Л. Толстой. Ц. 3 к.

Сборники разсказовъ и притчъ разныхъ авторовъ, составленные И. Горбуновымъ-Посадовымъ:

1) **Англійскій король Канутъ.** Ц. $1^1/_2$ к.
2) **Благороднѣйшій изъ людей.** Ц. $1^1/_2$ к.
3) **Бѣлый гость.** Ц. $1^1/_2$ к.
4) **Волки.** Ц. $1^1/_2$ к.
5) **Гибель корабля.** Ц. $1^1/_2$ к.
6) **Красота и смерть.** Ц. $1^1/_2$ к.
7) **Мститель.** Ц. $1^1/_2$ к.
8) **Мудрецъ Солонъ.** Ц. $1^1/_2$ к.
9) **Олень съ золотымъ обручемъ.** Ц. $1^1/_2$ к.
10) **Оракулъ.** Ц. $1^1/_2$ к.
11) **Пастухъ и царскій казначей.** Ц. $1^1/_2$ к.
12) **Султанъ Мохаметъ.** Ц. $1^1/_2$ к.

Сиротка Молли и др. разсказы. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Ц. 10 к.

Сиротская доля. Илюшкины яблоки. Л. Толстого. **Андрійко.** Е. С. Ц. 3 к.

Сѣмена добра. Притчи Круммахера. Съ нѣмец. Кабановой и Ватацци. Ц. 10 к.

Царь Мидасъ. Сборникъ сказокъ, разсказовъ и стихотвореній для дѣтей школьнаго возраста. Ц. 10 к.

Цвѣтникъ. Сборникъ разсказовъ. Ц. 15 к.

Всѣ эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ **„Посредникъ“** (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада изданій **„Посредника“:** Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, **И. И. Горбунову.**

ГРЕЧЕСКІЙ МУДРЕЦЪ

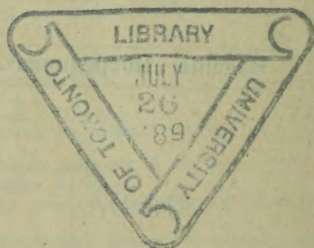
ДІОГЕНЪ.

Изданіе „Посредника“.

№ 97.

Третье изданіе.

МОСКВА.
Типографія Вильдé, Малая Кисловка, собственный домъ.
1910.

Составитель этой книги пользовался слѣдующими источниками:

1) Vies des philosophes de l'antiquité par Diog. Laërce.

2) Разговоры Діогена Синопскаго. Виланда. Переводъ съ нѣмецк. Татищева.

3) Діогенъ Киникъ. Статья проф. Гетлинга, помѣщена въ сборникѣ „Пропилеи".

4) Женщины-врачи и философы. Статья, помѣщенная въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ".

5) Dictionnaire des sciences philosophique par M. Franc.

6) Frıgmentum philosophorum grècorum Mullachius.

7) La vitta di Diogeno Ginico, Grimaldi.

8) Исторіи философіи Вебера, Льюиса, Lefèvre, Целлера и др.

9) Словари Мейера, Толя и др.

ГРЕЧЕСКІЙ МУДРЕЦЪ ДІОГЕНЪ.

I.

Ученики Сократа.

Греческій учитель Сократъ умеръ въ городѣ Аѳинахъ, мужественно и спокойно принявъ чашу яда по приговору судей. Это было за 400 лѣтъ до Р. Х. Осудившіе Сократа люди думали, что, если они убьютъ его, то имъ легче будетъ жить безъ него, никто больше не станетъ будить ихъ совѣсти, и можно имъ будетъ попрежнему предаваться порокамъ.

Но слова, сказанныя Сократомъ, не пропали даромъ. Много людей услышали Сократово ученіе. А ученье его вотъ въ чемъ было.

Люди страдаютъ отъ своего неразумія, оттого, что не слушаютъ голоса совѣсти. Голосъ этотъ внутри человѣка и всегда готовъ помочь ему. Только тотъ можетъ быть счастливъ, кто слушается этого внутренняго голоса.

Голосъ совѣсти говоритъ человѣку, что онъ долженъ жить не для своихъ похотей, а для того, чтобы помогать другимъ. Человѣку мѣшаютъ въ этомъ его порочныя страсти. Онъ долженъ бороться съ ними. Только

этимъ путемъ человѣкъ можетъ достигнуть высшаго блага и счастія.

И для этого не нужно знать многое, потому что многаго мы и не можемъ узнать. Да кромѣ того, если бы отъ знанія многихъ вещей зависѣло счастье людей, то кто же тогда могъ бы стать счастливымъ? Только тотъ, у кого много денегъ, кто можетъ научиться разнымъ наукамъ, нанимать учителей или ходить въ высшія училища, пока другіе люди кормятъ и одѣваютъ его. Такихъ богатыхъ и досужихъ людей мало, да изъ нихъ-то немного найдется счастливыхъ.

Главная наука—въ томъ, чтобы познать самого себя. А для этого не нужно никакихъ денежныхъ затратъ; нужно только прислушиваться къ внутреннему голосу совѣсти, внушающему человѣку черезъ его разумъ и сердце, какъ ему слѣдуетъ жить, какъ поступать съ другими и въ чемъ его счастье.

Такъ училъ Сократъ. Онъ привлекъ къ себѣ много учениковъ. Ученики любили его, какъ отца, и горько плакали, когда онъ умиралъ. Но учитель, умирая, увѣщевалъ ихъ не печалиться, потому что зналъ, что чаша яда, которую онъ принималъ, не могла умертвить въ немъ того, что одно въ немъ было живо и безсмертно,—ту правду, которую онъ уразумѣлъ и передалъ людямъ.

Ученики Сократа понимали его, потому что онъ говорилъ просто и ясно, и всякій изъ разговора съ нимъ получалъ мудрый совѣтъ. Но изъ сказанныхъ Сократомъ словъ ученики запоминали то, что каждому изъ нихъ было пригоднѣе, что ближе подходило къ его собственной жизни. Изъ всего ученія Сократа каждый ученикъ лучше всего остального запоминалъ только то, о чемъ онъ самъ больше думалъ; и ему казалось, что учитель только это и говорилъ, а о другихъ сторонахъ ученія своего учителя онъ забывалъ. И потому, когда ученики сходились безъ учителя, то они часто спорили о томъ, кто изъ нихъ лучше понималъ Сократа.

При жизни Сократа они еще держались въ мирѣ общею любовью къ нему, а по смерти его пошла между

ними рознь и вражда, особенно между тѣми, кто самъ не видалъ и не слыхалъ Сократа, а уже отъ другихъ узналъ его ученіе. И каждый изъ нихъ говорилъ свое и увѣрялъ, что то самое говорилъ Сократъ. И выходило, будто Сократъ говорилъ то одно, то другое, совсѣмъ противоположное. И изъ-за этого враждовали и спорили его различные послѣдователи.

Только долго спустя люди поняли, что не могъ Сократъ учить тому, изъ-за чего люди ссорятся и враждуютъ.

И тогда люди стали спокойно изучать все то, что дошло до нихъ изъ ученія Сократа, и тогда только могли разумно и согласно понять его ученіе.

Сейчасъ же послѣ смерти Сократа было совсѣмъ не то.

Одинъ изъ его учениковъ, *Платонъ*, богатаго и знатнаго рода, горячо любившій Сократа, хорошо понялъ одну часть ученія и записалъ ее. Изъ ученія Сократова больше всего ему нравились слова о томъ, что жить нужно для общаго величайшаго блага, т.-е.—такъ жить, чтобы жизнью своей принести какъ можно больше добра и блага людямъ. Платонъ сталъ разсуждать о томъ, что такое это общее благо или добро, отчего оно происходитъ, кто сотворилъ его, откуда произошелъ весь міръ и о многомъ другомъ. Онъ былъ очень уменъ и краснорѣчивъ и написалъ много книгъ. Но Платонъ не исполнилъ самаго перваго завѣта своего учителя. Онъ остался богатымъ и знатнымъ, и потому не сталъ братомъ бѣдному, рабочему люду. Богатые греки любили слушать его и подарили ему особый участокъ земли и построили тамъ домъ. Туда ходило учиться много знатныхъ людей, но бѣдные туда не могли попасть. Эта школа называлась академіею.

Другой ученикъ Сократа, *Аристипъ*, тоже изъ богатыхъ господъ, слышалъ, какъ Сократъ часто говаривалъ, что тому, кто наслаждается удовольствіями не вмѣру, — сладко ѣстъ и пьетъ, мягко спитъ, пируетъ, посѣщаетъ часто разныя зрѣлища,—тому скоро прискучитъ все это, и будетъ онъ самымъ несчастнымъ чело-

вѣкомъ. Такому человѣку всякій трудъ въ тягость, и сами удовольствія ему будутъ не въ радость, и скука и тоска овладѣютъ имъ. А тотъ, кто проводитъ жизнь въ трудѣ, тотъ и малое удовольствіе считаетъ за большую радость и всегда найдетъ чѣмъ разогнать тоску. Аристипъ по-своему понялъ эти слова. Онъ сталъ жить для своего удовольствія, но — такъ, чтобъ никогда не пресытиться удовольствіями. Для этого онъ старался каждому удовольствію предаваться вмѣру и какъ можно чаще мѣнять свои удовольствія.

— Иначе, — говорилъ онъ, — и жить не стоитъ, какъ только для своего удовольствія.

Еще былъ ученикъ у Сократа по имени *Антисѳенъ*. Онъ не былъ знатнаго рода. Мать его была дальняя чужестранка, а у грековъ въ городѣ Аѳинахъ былъ такой обычай, что мѣста давались тѣмъ только, у кого родители были коренными аѳинскими жителями. Всѣ же остальные могли заниматься, кто чѣмъ хотѣлъ, либо торговлей, либо ремесломъ какимъ; но въ управленіе они не допускались. У Антисфена не было капиталовъ, торговлей онъ заняться не могъ, ремеслу выгодному смолоду не обучался. Пришлось ему свой хлѣбъ добывать черной работой. У него была большая охота къ ученію, и въ свободное время онъ сталъ посѣщать различныхъ аѳинскихъ учителей. Когда же онъ услышалъ Сократа, то бросилъ всѣхъ остальныхъ учителей и привязался къ нему, какъ ребенокъ къ отцу.

Антисфенъ жилъ въ приморскомъ городѣ Пиреѣ, за 10 верстъ отъ Аѳинъ, и каждый день ходилъ въ Аѳины къ Сократу слушать его ученіе о жизни. Антисфенъ самъ жилъ въ нуждѣ, и ему было дорого то, что Сократъ не презиралъ бѣдняковъ и рабовъ, а училъ любить ихъ и считать всѣхъ людей, и знатныхъ и простыхъ, своими братьями. И изъ ученія Сократова Антисфенъ понялъ то, что люди должны такъ жить, чтобы и въ бѣдности и въ нуждѣ они могли быть довольными и счастливыми. И понявъ это, Антисфенъ сталъ учить нищихъ, рабовъ и другихъ безправныхъ людей.

Послѣ смерти Сократа Антисфенъ училъ народъ въ

особомъ огороженномъ мѣстѣ, куда собирались слушать его тѣ, кого не пускали въ академію. Мѣсто это называлось по-гречески Киносархъ, а по-русски означаетъ: собачье мѣсто.

Антисфенъ училъ, что счастье не въ богатствѣ и почестяхъ, не въ разукрашенныхъ палатахъ, не въ ѣдѣ и питьѣ и не въ высокомъ званіи.

„Счастье,—говорилъ онъ,—въ самомъ человѣкѣ, внутри его. Для счастья и покоя души человѣка нужна добродѣтель. Въ ней одной мудрый человѣкъ ищетъ своего благополучія, и онъ не смотритъ на то, будутъ ли его за это уважать или ругать. Онъ служитъ своей совѣсти, своему Богу и не помышляетъ объ иномъ благѣ. Жить надо какъ можно проще и бѣднѣе, довольствуясь для своего тѣла самымъ малымъ. Тогда меньше нуждаешься въ помощи другихъ людей и меньше отъ нихъ зависишь. Человѣку, живущему такъ, не нужно ни покровительства сильныхъ міра, ни богатства, ни учености. Только тотъ будетъ покоенъ и радостенъ, кто сумѣетъ побороть въ себѣ всякое тщеславіе и всякія похоти. Въ этомъ и состоитъ мудрость человѣческая. И чтобы стать такимъ мудрымъ человѣкомъ, нужно слушаться голоса совѣсти и разума. Голосъ совѣсти всегда покажетъ человѣку, когда онъ уклонится отъ праваго пути, только бы не заглушить въ себѣ этого голоса. Однимъ словомъ, Антисфенъ убѣждалъ своихъ учениковъ оставить поклоненіе языческимъ богамъ и проповѣдывалъ единаго Бога, живущаго въ сердцѣ человѣческомъ.

Такъ училъ Антисфенъ, и примѣромъ своей жизни онъ показывалъ, какъ немного нужно человѣку, желающему жить разумно. У него не было своего крова, и ходилъ онъ, какъ нищій, въ оборванномъ платьѣ, съ сумкой за плечами и съ посохомъ въ рукѣ. И къ нему ходилъ народъ и отъ него учился праведной жизни.

Однимъ изъ учениковъ Антисфена былъ Діогенъ.

II.

Діогенъ становится ученикомъ Антисфена.

Во всѣ времена и вѣка, у всѣхъ народовъ были мудрые учителя, учившіе ихъ праведной жизни. Ученія многихъ изъ нихъ дошли и до насъ. Читая объ нихъ, мы часто забываемъ, какимъ трудомъ, какими страданіями духа и тѣла досталось имъ это познаніе истины. Намъ кажется, что эти мудрецы такъ и родились мудрецами, и иной разъ даже становится завидно, отчего и мы не родились такими. А между тѣмъ, большею частью, дѣтство этихъ людей и первые годы ихъ взрослой жизни были самые бурные, не похожіе на то, чему они учили потомъ. И когда мы узнаемъ ихъ прежнюю жизнь, то начинаемъ понимать, какимъ тяжкимъ трудомъ они выбрались на истинный путь и пошли по немъ. Вотъ почему поучительно знать ихъ исторію. Читая ее, мы понимаемъ, что жизнь наша становится дурной или хорошей не оттого, какими мы родились, а оттого, на сколько мы желаемъ усовершенствовать себя и трудимся надъ этимъ.

Такъ было и съ Діогеномъ.

Онъ родился въ городѣ Синопѣ, на берегу Чернаго моря, за 414 лѣтъ до Р. Х. Теперь этотъ городъ принадлежитъ туркамъ; тогда же онъ былъ греческимъ городомъ. Въ немъ жили греки, переселившіеся изъ своего отечества. Теперь Синопъ маленькій, грязный городишка; а во времена Діогена онъ стоялъ во всей своей красѣ и велъ большую торговлю. Въ этомъ городѣ отецъ Діогена, Ицесій, былъ банкиромъ или мѣнялой и велъ большія денежныя дѣла.

Около денегъ человѣку легко испортиться. Соблазнъ великъ. На деньги все купить можно. Ни въ чемъ удержу нѣтъ. Много людей такъ погибло. Не стало у Ицесія хватать денегъ на его затѣи. И научился онъ, какъ самому дѣлать деньги. За отцемъ пошелъ и сынъ, и

стали они вмѣстѣ изготовлять фальшивыя монеты. Но не долго пришлось имъ вести такъ свои дѣла. Обидѣли они какъ-то рабочаго, и тотъ донесъ въ управу объ ихъ мошенничествѣ. Ихъ накрыли на мѣстѣ. Отца посадили въ тюрьму, тамъ онъ и умеръ, а сынъ убѣжалъ изъ города.

Въ то время Діогенъ былъ уже взрослый. Онъ пошелъ скитаться по разнымъ мѣстамъ, перебиваясь коекакой работой; а въ свободное время онъ раздумывалъ о томъ, такъ ли онъ живетъ какъ нужно.

Много мыслей бродило у него въ головѣ, да все путались, и трудно ему было самому разобраться въ нихъ, а съ кѣмъ ни заговаривалъ, никто не помогалъ ему. Одни не понимали его, другіе смѣялись, третьи жалѣли его и говорили: „Не будетъ въ немъ проку, — умъ за разумъ заходитъ".

Но Діогенъ чуялъ, что люди эти такъ говорятъ потому, что сами не живутъ такъ, какъ надо, и не знаютъ въ чемъ правда.

Съ такими мыслями Діогенъ пришелъ въ Аѳины. Онъ еще раньше слышалъ, что въ этомъ городѣ жилъ мудрецъ Сократъ, учившій народъ тому, какъ жить надо людямъ. Слышалъ онъ также и то, что учителя этого, любимаго народомъ, но неугодившаго правятелямъ и судьямъ, казнили какъ злого преступника, и что теперь ученики Сократа продолжали учить народъ. Діогенъ сталъ прислушиваться къ ихъ ученію. И больше другихъ пришелся ему по душѣ мудрецъ Антисфенъ.

У Антисфена въ то время учениковъ поубавилось. Трудно показалось имъ исполнять то, чему онъ училъ; къ тому же въ это время и самъ Антисфенъ тосковалъ и скорбѣлъ душою о своемъ любимомъ учителѣ Сократѣ, котораго еще недавно погубила злоба и зависть людскія.

Въ это самое время и пришелъ Діогенъ къ Антисфену.

„Вотъ и этотъ, — подумалъ про себя Антисфенъ, — пришелъ сюда послушать старика только отъ нечего дѣлать. Прогоню я его!"

— Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? — строго спросилъ онъ у Діогена.

— Учитель, я пришелъ слушать ученіе твое; жить хочу праведно!

— Уходи скорѣй, не надо мнѣ никого; вы народъ ненадежный, оставьте меня.

— Я не уйду отъ тебя, учитель.

— Прочь! — закричалъ Антисфенъ и замахнулся на него палкой.

— Бей меня, но знай, что еще не выросла такая крѣпкая дубина, чтобы отогнать меня отъ тебя; бей, но учи меня,—сказалъ Діогенъ твердо.

Антисфенъ опустилъ палку, и лицо его просіяло радостью.

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—обними и прости меня! Теперь я вижу, что ты выдержалъ трудное испытаніе; ты не только молодъ и крѣпокъ тѣломъ, но и силенъ духомъ. Не покидай же меня, помоги мнѣ, будемъ вмѣстѣ учиться правдѣ и открывать ее людямъ.

И они зажили вмѣстѣ.

Когда Діогенъ пришелъ въ Аѳины, у него были еще кое-какія деньги. Но, не долго думая, онъ всѣ ихъ роздалъ нищимъ. Былъ у него сперва даже рабъ по имени Манесъ. Однажды Діогенъ разсказалъ Манесу о томъ, что онъ узналъ отъ Антисфена, и сталъ убѣждать его зажить вмѣстѣ съ нимъ одною нищенскою жизнью. Но рабу не понравилась такая жизнь, и онъ убѣжалъ отъ своего господина. Послѣ этого Діогена встрѣтилъ одинъ его знакомый и говоритъ ему:

— Что же ты не разыскиваешь Манеса! Заяви начальникамъ, его вернутъ!

— Зачѣмъ,—отвѣчалъ Діогенъ:—если Манесъ можетъ обойтись безъ меня, отчего же я не могу обойтись безъ Манеса? Пускай себѣ гуляетъ на волѣ.

Діогенъ все раздумывалъ о томъ, какъ бы ему жить такъ, чтобы никогда никому не дѣлать худого, — какъ сдѣлать жизнь свою радостью, а не горемъ, какимъ она была до сихъ поръ. „Если мнѣ будетъ хоро-

шо,—думалъ онъ,—то и другимъ вокругъ меня станетъ лучше".

Между тѣмъ въ Аѳинахъ наступилъ годовой праздникъ. Въ этотъ день собиралось туда много народу, и весь день потѣшались разными представленіями и играми и цѣлую ночь пировали и веселились. Діогенъ не участвовалъ въ этомъ празднествѣ, и въ эту ночь, поужинавъ овсянымъ киселемъ, лежалъ, завернувшись въ свой плащъ, въ укромномъ мѣстечкѣ на городской площади. Онъ смотрѣлъ на шумную безшабашную толпу народа и раздумался о своей жизни.

„Вотъ,—думалъ онъ,—люди веселятся, за день всего насмотрѣлись и наигрались, и теперь расходятся по трактирамъ. Тамъ они напьются и наѣдятся вдоволь всего. Почему бы и мнѣ не жить такъ, какъ они всѣ живутъ? Зачѣмъ я отдѣлился отъ нихъ и хочу жить по иному?"

И взяло его сомнѣніе, такъ ли онъ живетъ какъ надо? Вдругъ зашумѣло что-то по его плащу; онъ оглянулся; видитъ—мышка. Подбѣжала она къ его плошкѣ и стала доѣдать остатки его киселя. Діогенъ посмотрѣлъ на нее, ободрился и сказалъ самъ себѣ: „О чемъ ты думаешь, Діогенъ? Вотъ эта мышь довольна остатками твоей ѣды, а ты, разумная тварь, печалишься о томъ, что не лежишь, объѣвшись и напившись, на мягкихъ подушкахъ и цвѣтныхъ коврахъ!" Такими разумными мыслями укрѣплялъ себя Діогенъ въ минуты сомнѣнія и малодушія; и скоро онъ совсѣмъ пересталъ сомнѣваться въ праведности избранной имъ жизни.

III.

Какъ жилъ Діогенъ.

Скоро Діогенъ отказался и отъ постояннаго жилья и сталъ ночевать, гдѣ придется. Въ хорошую ночь онъ спалъ подъ открытымъ небомъ.

— Подъ такой крышей, говаривалъ онъ,—никому не тѣсно жить, всѣмъ мѣста хватитъ. А звѣзды-то ночью блестятъ и мерцаютъ, будто говорятъ межъ собой о томъ, что имъ на нашей землѣ видать. Посмотришь на нихъ и не скучно, словно не одинъ лежишь, а съ народомъ

А въ ненастье Діогенъ забирался подъ ворота. Въ Аѳинахъ было настроено много храмовъ разнымъ богамъ. Былъ храмъ богу, про котораго говорили, что онъ посылаетъ громъ и молнію; другой былъ въ честь бога, которому молились во время войны;—третій—тому богу, который, какъ думали, помогалъ въ торговлѣ, и еще было много другихъ храмовъ. А передъ этими храмами греки устроили большія ворота съ узорчатой крышей.

Они клали много трудовъ на эти постройки, выписывали заграничныхъ архитекторовъ. И города другъ предъ дружкой хвастались тѣмъ, у кого выше или красивѣе ворота поставлены. А Діогенъ смѣялся надъ этимъ и говорилъ: „Это они мнѣ домовъ настроили“. У одного храма подъ воротами постоянно лежала большая пустая бочка. И Діогенъ полюбилъ эту бочку. Онъ часто залѣзалъ въ нее, ночевалъ въ ней и считалъ ее своимъ домомъ.

Разъ Діогенъ вышелъ за городъ и пошелъ по дорогѣ. Проходить надо было мимо родника. Діогену встрѣтился мальчикъ. Захотѣлось мальчику пить. Онъ подошелъ къ роднику, сложилъ ладони въ пригоршни, набралъ воды, напился и пошелъ дальше. А у Діогена была еще тогда своя кружка. Какъ увидалъ онъ, что мальчикъ безъ кружки обходится, бросилъ Діогенъ свою и не заводилъ больше новой: сталъ изъ горсти пить.

Для похлебки у Діогена была плошка. Только разъ зашелъ онъ въ трактиръ и попросилъ, чтобы его накормили. Видитъ —пришелъ въ трактиръ бѣднякъ за обѣдомъ,—домой хочетъ нести, а посуды нѣтъ. Смотритъ Діогенъ, что будетъ дѣлать бѣднякъ. А тотъ купилъ краюшку хлѣба, мякишъ вынулъ изъ нея, а въ корку

налилъ похлебку и пошелъ домой. И это очень понравилось Діогену.

Питался Діогенъ подаяніемъ. Иногда ловилъ рыбу на морскомъ берегу. Сначала варилъ рыбу на огнѣ, а потомъ сталъ сырую ѣсть, и ничего — привыкъ. Онъ съ радостью говорилъ: „Вотъ мнѣ и огня не нужно". Онъ ѣлъ также разные коренья и травы, и насыщался ими, и былъ здоровъ и силенъ.

Чтобы быть здоровѣе тѣломъ, Діогенъ закалялъ его жаромъ и холодомъ, какъ кузнецы закаляютъ сталь. Зимой онъ ходилъ босикомъ по льду и прикладывалъ голую грудь къ мѣднымъ изваяніямъ и памятникамъ, а лѣтомъ онъ валялся голый по раскаленному солнцемъ песку.

Обувь онъ совсѣмъ пересталъ носить, говоря, что ноги не должны быть нѣжнѣе глазъ и всего лица, а вѣдь мы ихъ не закрываемъ во время холода (въ Греціи не бываетъ сильныхъ морозовъ) и не боимся простудить ихъ, потому что ходить съ завязанными глазами нельзя. Значитъ, и ноги должны привыкать къ тому же. А одежда его вся состояла изъ широкаго плаща или покрывала. Когда тепло, онъ его распускалъ, а когда холодно, носилъ сложеннымъ вдвое.

И далеко прошла молва о Діогенѣ.

Антисфенъ, учитель его, уже становился старъ и слабъ, и народъ сталъ ходить къ Діогену. У Діогена былъ хорошій голосъ, и говорилъ онъ умно, краснорѣчиво и такъ убѣдительно, что всякій, кто слушалъ его, невольно соглашался съ нимъ.

Недалеко отъ Аѳинъ, въ морѣ, былъ островъ Эгина. Тамъ жилъ богатый человѣкъ, по имени Онезикритъ. Онъ услышалъ про жизнь Діогена и послалъ своего младшаго сына въ Аѳины разузнать, что это за человѣкъ.

Сынъ поѣхалъ; отецъ его ждалъ, ждалъ, не дождался. Пришли разъ къ отцу купцы изъ Аѳинъ и разсказываютъ: „Видѣли мы, какъ твой сынъ слушалъ ученіе Діогена; узнавъ, что мы изъ Эгины, онъ велѣлъ ска-

зать, что не вернется къ тебѣ, потому что не можетъ оставить учителя".

Тогда Онезикритъ послалъ старшаго сына,—и тотъ не вернулся. Собрался, наконецъ, и самъ отецъ, поѣхалъ въ Аѳины, увидалъ Діогена, услышалъ его ученіе — и самъ сталъ его ученикомъ.

Діогенъ часто говорилъ, что человѣкъ страдаетъ больше всего потому, что не получаетъ того, чего ему хочется. Значитъ, для того, чтобы не страдать и быть счастливымъ, нужно поменьше хотѣть; а хотѣніе во власти у самого человѣка. И когда освободится человѣкъ отъ своихъ хотѣній, тогда онъ становится счастливымъ. Тогда ему о себѣ заботы мало, онъ не замучаетъ себя работой для удовлетворенія разныхъ своихъ прихотей, и ему больше будетъ времени другимъ помогать и услуживать.

Діогенъ уважалъ нищихъ и увѣщевалъ ихъ полюбить свое нищенство и не искать обезпеченія и богатства.

„Бѣдность,—говаривалъ онъ,—самоучка, помощница мудрости".

Еще говорилъ онъ, что человѣку для жизни нужно набираться силы и тѣломъ и духомъ. Тѣло набираетъ себѣ силы въ трудной работѣ до пота лица, а душа набираетъ себѣ силы въ добрыхъ дѣлахъ.

Онъ говорилъ также, что ничего не надо считать своимъ, кромѣ духа и тѣла своего, да и тѣломъ слѣдуетъ пользоваться не въ свою утробу, а на добро людямъ.

„Когда задумалъ какое-нибудь дѣло,—говорилъ Діогенъ,—то разсудить надо, разумно оно или нѣтъ, и не обличитъ ли совѣсть тебя за такой поступокъ. А о томъ, что другіе люди скажутъ, думать не надо, потому что мірская молва, что морская волна, перемѣнчива; если о ней станешь думать и къ ней примѣняться, никому не угодишь и не сдѣлаешь пользы ни себѣ, ни другимъ".

Такъ училъ Діогенъ людей, приходящихъ къ нему, и примѣромъ своей жизни показывалъ правоту своихъ словъ. И удивлялись многіе греки мудрости Діогена и говорили между собой: „Откуда узналъ онъ все это? Не сынъ ли это Икесія, фальшиваго монетчика, посажен-

наго въ тюрьму въ Синопѣ? Да, вѣдь, и самъ онъ, говорятъ, тѣми же дѣлами занимался, за то и былъ выгнанъ изъ города, а вотъ теперь сталъ учителемъ". Находились и такіе люди, которые говорили ему прямо въ лицо, когда встрѣчались съ нимъ:

— Правда ли, Діогенъ, что ты прежде поддѣлывалъ деньги?

На это Діогенъ отвѣчалъ:

— Да, правда, прежде я худо жилъ; но вѣдь я перемѣнился; а посмотрите на себя: какими вы были прежде, и много ли перемѣнились съ тѣхъ поръ?

Въ то время у аѳинскаго народа съ сосѣднимъ македонскимъ загорѣлась война. Произошло большое сраженіе при городѣ Херонеѣ, не далеко отъ Аѳинъ. Въ этомъ сраженіи Діогена забрали въ плѣнъ. Увидѣли непріятели, что человѣкъ смирный, покорно въ руки дается, подумали—лазутчикъ и привели къ македонскому царю Филиппу. Въ то время жажда завоеваній обуяла Филиппа, хотѣлось ему всѣ сосѣдніе народы покорить подъ свое владычество.

Привели Діогена къ царю и сказали:

— Это, видно, перебѣжчикъ, надо его допросить.

Царь спросилъ Діогена:

— Ты перебѣжчикъ? О чемъ же ты донесешь своимъ, если отпущу тебя?

Діогенъ ему отвѣтилъ:

— Я имъ разскажу про твою ненасытность.

Царь Филиппъ любилъ остроумныя слова, разсмѣялся и отпустилъ Діогена на волю.

IV.

Какъ Діогена продали въ рабство.

Онезикритъ съ сыновьями своими, понявши Діогеново ученіе о праведной жизни, вернулся къ себѣ домой, на островъ Эгину, и, какъ умѣлъ, просвѣщалъ словомъ и дѣломъ домашнихъ своихъ и сосѣдей. Только стоско-

вался онъ по своемъ любимомъ учителѣ и писалъ ему, умоляя пріѣхать къ нему въ Эгину. А въ Аѳинахъ въ то время была отъ войны неурядица.

Діогенъ собрался въ путь и поплылъ на кораблѣ въ Эгину. На морѣ поднялась страшная буря. Кормчій сбился съ пути, и корабль понесло по волнамъ. И не знали путники, что съ ними будетъ: разобьетъ ли ихъ о камень, унесетъ ли въ открытое безбрежное море, занесетъ ли въ невѣдомую страну къ дикимъ людямъ. Настало утро. Утихла погода, и когда разсвѣло, увидали они, что несетъ ихъ корабль прямо на песчаный берегъ. Снасти были порваны, руль сорвало съ петель, и они не могли управиться. Ихъ нанесло на песчаную отмель, и корабль сѣлъ на мель.

Пока раздумывали несчастные путники, что имъ дѣлать, какъ горю помочь,—увидали вдали другой корабль: идетъ онъ подъ всѣми парусами и держитъ прямо къ нимъ. Обрадовались путники, думаютъ—спасенье идетъ. Но ошиблись. Корабль оказался разбойничій.

Въ то время было много морскихъ разбойниковъ, имѣвшихъ свои корабли. Разбойничій корабль подошелъ къ берегу, завернулся противъ вѣтра, бросилъ якорь, убралъ паруса. Видятъ путники, что съ того корабля спустили лодку, и въ нее садятся люди, съ мечами, копьями и щитами.

— Дѣло плохо, думаютъ: заберутъ живьемъ.

Подошла къ нимъ лодка съ разбойниками, закричали:

— Сдавайтесь!

А у разбойниковъ былъ такой обычай, что если человѣкъ съ ними начиналъ бороться, то они убивали его и кидали въ воду; а кто сдавался, того увозили въ плѣнъ и продавали въ рабство.

Діогенъ зналъ это и сталъ уговаривать своихъ товарищей покончить дѣло миромъ.

— Тутъ еще бѣды большой нѣтъ,—говорилъ онъ,—что насъ уведутъ въ плѣнъ и продадутъ, какъ рабовъ. Со всякимъ человѣкомъ ужиться можно. Вѣдь и они тоже люди. На душу оковъ не наложатъ, а вѣдь только душевная свобода и дорога человѣку. А станемъ защи-

щаться—людей погубимъ, кровь прольемъ и себѣ лучше не сдѣлаемъ.

Тѣ, кто послушали его словъ, потомъ благодарили его; а тѣ, которые защищались, были всѣ перебиты. Забрали разбойники все, что было дорогого на кораблѣ, перевезли на свой корабль, снялись съ якоря и поплыли дальше.

И пристали они къ острову Криту.

На этомъ островѣ торговали рабами. Разбойники расположились на площади въ ожиданіи базарнаго дня. Плохо пришлось плѣнникамъ. Кормили ихъ впроголодь; если бъ не Діогенъ, ихъ бы совсѣмъ заморили. Но онъ не падалъ духомъ и смѣло требовалъ у своихъ хозяевъ лучшаго содержанія.

— Странное дѣло,—говорилъ онъ:—овецъ и поросятъ, назначенныхъ на продажу, вы хорошо откармливаете, а человѣка, самаго дорогого изъ животныхъ, вы на продажу морите голодомъ.

И слова его дѣйствовали на продавцовъ, и они прибавляли ему пищи, а онъ раздѣлялъ прибавку между голодными товарищами да еще ободрялъ ихъ шутками и своимъ веселымъ расположеніемъ духа.

Наконецъ, начался базаръ. У торговцевъ рабами въ обычаѣ было выкрикивать, какую работу знаютъ ихъ рабы, чтобы заманить покупателя.

Спросили у Діогена:

— Какое ремесло знаешь ты?

— Я умѣю людьми управлять,—отвѣчалъ Діогенъ.

— Голову даю на отсѣченіе, — отвѣчалъ, разсмѣявшись, продавецъ,—что никто не захочетъ купить себѣ господина. Да и какъ же мнѣ кричать про тебя?

— А такъ и кричи: кто хочетъ купить себѣ господина, кому хозяина нужно?

Увидалъ Діогенъ, что мимо того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ на рынкѣ, проходилъ богатый человѣкъ, одѣтый нарядно, и съ добрымъ лицомъ.

— Вотъ, говоритъ,—продайте меня этому человѣку; вижу я, что ему хозяинъ нуженъ.

Богача этого звали Ксеніадъ. Услыхалъ Ксеніадъ, что

про него говоритъ Діогенъ. Любопытны показались ему эти слова; онъ сговорился съ торговцами, купилъ Діогена и увезъ къ себѣ въ большой богатый греческій городъ Коринѳъ, гдѣ онъ проживалъ со своею семьей.

Разговорившись дорогой съ Діогеномъ, Ксеніадъ увидалъ, какое онъ сдѣлалъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Возвратясь домой, онъ поставилъ Діогена дядькой надъ своими дѣтьми, а потомъ такъ довѣрился ему, что и весь домъ сдалъ ему на руки.

V.

Діогенъ у Ксеніада.

Діогенъ сталъ рабомъ, но духъ его оставался свободнымъ.

Онъ поселился у Ксеніада и сталъ для него такимъ нужнымъ человѣкомъ, что тотъ безъ него ни за какое дѣло не брался.

Когда знакомые Ксеніада спрашивали его, доволенъ ли онъ своимъ новымъ рабомъ, то онъ отвѣчалъ:

— Поистинѣ не знаю, какъ благодарить Небо за такое счастье. Миръ, тишина и порядокъ съ тѣхъ поръ, какъ Діогенъ поселился у меня въ домѣ и охраняетъ мой домъ.

Діогенъ полюбилъ своего господина за его кроткій нравъ, но еще больше полюбилъ дѣтей его, и дѣти горячо привязались къ нему. Діогенъ зналъ, что воспитать дѣтей—дѣло очень важное и трудное.

— Мое дѣло,—говорилъ онъ,—точно гончарное: дана мнѣ мягкая глина, могу вылѣпить изъ нея, что мнѣ хочется; а ужъ когда обожгутъ ее, тогда будетъ поздно, не выправишь изъяна. Тогда можно только разбить сосудъ. Такъ и съ дѣтьми: когда молоды,—они мягки и все принимаютъ въ себя, а какъ выростутъ, то съ тѣмъ и останутся, что въ дѣтствѣ пріобрѣли; потомъ трудно исправиться.

Діогенъ замѣчалъ, какъ часто родители начинаютъ портить своихъ дѣтей еще въ юности, и, случалось, предупреждалъ ихъ объ этомъ и старался остановить юношу на краю пропасти, куда влекли его соблазны, примѣры товарищей и поблажки слабыхъ родителей.

Такъ Діогенъ увидалъ разъ, что молодой мальчикъ шелъ на обѣдъ къ человѣку, извѣстному своей распутной жизнью. Діогенъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку, уговорилъ вернуться домой и, приведя его къ родителямъ, сказалъ:

— Берегите его отъ погибели.

Еще въ другой разъ Діогенъ увидалъ юношу, идущаго на пиръ.

— Зачѣмъ ты идешь туда,—сказалъ онъ ему:—ты потеряешь тамъ мудрость.

Юноша не послушался его и все-таки пошелъ. На другой день они опять встрѣтились, и юноша сказалъ Діогену:

— Вотъ, я вернулся съ пира и хуже не сталъ.

— Неправда,—отвѣчалъ Діогенъ: ты навѣрное ослабѣлъ духомъ.

Зато какъ радовался Діогенъ, когда замѣчалъ, что въ молодомъ человѣкѣ еще дѣйствуетъ совѣсть, и видѣлъ краску стыда на его лицѣ!

— Это цвѣтъ добродѣтели, - говорилъ онъ,—это божественный даръ.

Въ своихъ питомцахъ Діогенъ больше всего наблюдалъ, чтобы они не набирались вредныхъ господскихъ привычекъ,—сладко ѣсть, мягко спать да кутаться въ дорогія нѣжныя ткани. Онъ зналъ, что все это портитъ людей, и потому пріучалъ дѣтей ходить босикомъ, носить только одну одежду изъ самой грубой ткани, ходить безъ шапки и спать на голой землѣ. Чтобы дѣти набирались силъ, онъ устраивалъ имъ потѣшныя игры, такія, чтобы все тѣло было въ движеніи. Діогенъ постоянно вразумлялъ своихъ учениковъ, для чего все это имъ нужно; онъ училъ ихъ прибирать за собой, чтобы не мучить слугъ и рабовъ, которымъ и безъ того было много работы въ богатомъ домѣ. Дѣти слушали слова

Діогена, но еще больше учились, глядя на самую жизнь своего учителя. Они перенимали его привычки, потому что онъ самъ жилъ такъ, какъ училъ жить другихъ.

Сыновья Ксеніада такъ привязались къ Діогену, что не оставляли его до самой смерти.

Такъ жилъ Діогенъ у Ксеніада и не желалъ себѣ ничего лучшаго. Но его аѳинскіе друзья провѣдали, гдѣ живетъ ихъ наставникъ, разыскали его и пришли къ нему и предложили ему выкупить его изъ рабства. Діогенъ посмѣялся надъ ними и сказалъ:

— Зачѣмъ даромъ деньги тратить? Лучше нищихъ накормите, а мнѣ и здѣсь хорошо. Меня освободилъ отъ вѣчнаго рабства Антисѳенъ, мой учитель, и съ тѣхъ поръ никто не можетъ поработить меня.

Друзья Діогена не рѣшались покинуть своего любимаго учителя, и нѣкоторые поселились недалеко отъ дома Ксеніада. Діогенъ каждый день удѣлялъ время для бесѣды съ ними. Онъ уходилъ въ загородную слободу Кроніонъ, около котораго былъ тѣнистый садъ, и любилъ сидѣть въ этомъ саду подъ тѣнью деревьевъ. Радуясь всякой Божьей твари, всякой былинкѣ, Діогенъ говаривалъ:

— Чего еще нужно человѣку? Какъ щедро наградила его природа. Гдѣ найду я постель мягче этого луга, гдѣ найду свѣтъ ярче этого солнца, гдѣ услышу пѣсни прекраснѣе этого соловья, какой напитокъ слаще и чище этого серебристаго ключа? И ѣды здѣсь довольно: сколько питательныхъ растеній, сколько сытныхъ кореньевъ; пойду нарою себѣ и пообѣдаю. И не отниметъ никто, а если и отниметъ, пойду еще добуду, и не надобно мнѣ зла держать на воровъ, не надобно защищать.

Въ этомъ саду Діогенъ бесѣдовалъ со своими учениками, а оставшись одинъ, размышлялъ о томъ, какъ бы ему самому избавляться отъ своихъ грѣховъ и слабостей и какъ другимъ помочь въ этомъ.

Иногда онъ записывалъ свои размышленія, но записи эти не дошли до насъ: мы знаемъ о нихъ только то, что писали другіе, читавшіе ихъ. О записяхъ своихъ онъ такъ разсуждалъ:

— Мнѣ хочется писать! Но на чемъ же я буду писать? У меня нѣтъ ни вощеныхъ дощечекъ, ни бересты, ни кожи; хоть бы плоскій камень или кость, — ничего такого нѣтъ у меня. Какъ же быть? Да если бъ и нашлось что-нибудь такое, мнѣ и писать нечѣмъ, никакого такого инструмента нѣтъ. Слышалъ я, что можно на пескѣ писать, только жаль—скоро сотрется. Впрочемъ, я знаю много такихъ писакъ, которымъ бы, дѣйствительно, слѣдовало писать на пескѣ для того, чтобы поскорѣе пропали ихъ никому ненужныя сочиненія. Вѣдь обходились же въ старину безъ всякихъ этихъ приспособленій. Отчего же теперь нельзя? Прежде, правда, немного писали,—писали только то, что нужно и важно, а теперь всѣ думаютъ, какъ бы побольше написать. Да все безъ толку. Какъ же быть? писать-то мнѣ хочется? Ахъ я, простофиля! Вѣдь на стѣнахъ моего жилища ничего не виситъ: ни картинъ, ни портретовъ и никакихъ украшеній; вотъ я возьму уголекъ и стану писать на стѣнѣ, сколько хватитъ мѣста.

Приходитъ разъ къ Діогену Ксеніадъ, и видитъ — всѣ стѣны исписаны. Догадался, пошелъ въ городъ, купилъ костяныя таблицы или дощечки, роскошно обдѣланныя, и подарилъ Діогену. Діогенъ взялъ ихъ и сказалъ:

— Спасибо тебѣ, Ксеніадъ; если ты хочешь, чтобъ я на этихъ дощечкахъ писалъ, я могу сдѣлать тебѣ одолженіе. Видно, тебѣ хочется сохранить у себя мои бредни,—дѣло твое. А за вниманіе спасибо. Будь по твоему.

И сталъ онъ писать на костяныхъ дощечкахъ. Въ то время бумаги еще не было. Писали на кожѣ, на широкихъ древесныхъ листьяхъ, а кто побогаче, тотъ писалъ на кости особыми перышками.

VI.

Бесѣды Діогена съ учениками о томъ, какъ мало нужно человѣку.

Бесѣды свои съ учениками Діогенъ обыкновенно начиналъ съ того, что доказывалъ имъ, какъ мало нужно человѣку, чтобы быть счастливымъ, и что если бы люди поняли это, то всѣ бы стали счастливыми, потому что на всѣхъ бы хватило всего, что есть, и никто бы ни въ чемъ не нуждался. Теперь же люди такъ изнѣжились, что они несчастнѣе дикихъ животныхъ. У животныхъ нѣтъ ни огня, ни одежды, ни запасовъ пищи, а между тѣмъ они проживаютъ назначенное природой время жизни, пользуются всѣми тѣлесными силами и хорошимъ здоровьемъ до смерти. Люди же, столь жадные до жизни и знающіе столько средствъ, чтобы замедлить смерть, большей частью не доживаютъ до старости и живутъ со многими болѣзнями. И никакое докторское искусство не приноситъ имъ пользы. Не помогаютъ имъ и молитвы къ богамъ, потому что они живутъ невоздержанно и погибаютъ въ порокахъ. Сколько люди изобрѣли всякихъ ухищреній, сколько научились дѣлать разныхъ новыхъ штукъ, чтобы удобнѣе было жить, и все это имъ не на пользу, потому что мудрость и знаніе они употребляютъ не на правду и свободу, а на то, чтобы хитрѣе наслаждаться и ублажать себя. Они боятся суровой, трудовой жизни, имъ кажется, что они заботятся о себѣ, но они погибаютъ изъ опасенія за свое здоровье, изъ своей привязанности къ жизни.

Такими рѣчами Діогенъ изумлялъ богачей; иные убѣгали отъ него, считая его сумасшедшимъ, другіе убѣждались его словами, измѣняли свою жизнь и становились счастливыми.

Разъ собрались къ Діогену нѣсколько юношей, и онъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Мнѣ было бы очень досадно, если бъ нашелся хоть

одинъ человѣкъ, у котораго было бы меньше потребностей, чѣмъ у меня. Хорошо человѣку живется, когда у него нѣтъ потребностей. А такъ какъ совсѣмъ безъ нихъ нельзя обойтись, такъ хорошо, чтобы ихъ было какъ можно меньше, и чтобы человѣкъ о нихъ думалъ какъ можно меньше.

— Да, вѣдь, это трудно, учитель! — возразилъ ему одинъ юноша.

— Трудно, трудно, правда твоя, особенно вотъ такимъ какъ Херей и Филомедонъ, — сказалъ Діогенъ и указалъ на двухъ юношей въ богатыхъ одеждахъ. — Вѣдь васъ съ рожденья начинаютъ портить. А подумайте-ка: развѣ не трудно жить тому дураку, который хочетъ во что бы ни стало умереть богачемъ? Я полагаю, что ему гораздо труднѣе, чѣмъ бѣдняку. Сколько заботы ему о томъ, чтобы накопить богатство, а еще больше, чтобы удержать его у себя. А чего стоитъ другому изъ простого работника стать важнымъ бариномъ?.. Безумные, слабые люди! вѣдь у человѣка и безъ того есть заботы такія, что и обойти нельзя, напримѣръ: заботы о томъ, какъ уберечь себя отъ зла, какъ помочь страдающему. А вы еще много труда кладете на то, чтобы пріобрѣсть себѣ больше заботъ и страданій. А между тѣмъ при вдвое меньшемъ трудѣ можно получить здѣсь, сейчасъ, такое блаженство, какое и богатымъ людямъ во снѣ не снилось. Да, повѣрьте мнѣ, всѣ страданія человѣческія происходятъ оттого, что люди многаго хотятъ, многаго боятся, многому завидуютъ, на многое надѣются, не зная того, что въ нихъ самихъ есть все, что имъ нужно. Взгляните на меня! Я такъ блаженъ, какъ только можетъ быть блаженъ человѣкъ, а мнѣ нужно только немного хлѣба или кореньевъ для того, чтобы жить, да вотъ еще этотъ плащъ, чтобы не замерзнуть, и какой-нибудь шалашъ или даже пустая бочка, чтобы лечь въ сухомъ мѣстѣ. И какъ я счастливъ, что дошелъ до этого!

— Истинно такъ, учитель, — сказалъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Кратесъ. — Ты можешь гордиться этимъ, и мы завидуемъ тебѣ. Но сколько пришлось тебѣ пере-

нести насмѣшекъ! Жутко бываетъ, когда рѣшишься на какой-нибудь поступокъ и вдругъ подумаешь, что скажутъ объ этомъ другіе.

— Да, Кратесъ, это большой соблазнъ. Берегись его! Бѣда тебѣ, если станешь думать о томъ, что скажутъ о тебѣ другіе. Кто изъ васъ захочетъ войти въ славу и честь у людей, тотъ себѣ наживетъ много страданій. За славой людской не угонишься, къ людской молвѣ и примѣниться нельзя. Посмотрите, кого почитаютъ у насъ и кому кланяются? Богачу. За что? За его деньги, а не за его добродѣтели; сановнику — за его важность, изъ страха, а не изъ любви къ нему. Какому-нибудь красавцу льстятъ за его наружность, а опять-таки не за умъ его или хорошую жизнь. Музыканту или живописцу воздаютъ хвалу за ихъ умѣнія потѣшать праздныхъ людей. Многихъ безчестныхъ людей ласкаютъ и ухаживаютъ за ними, чтобы пользоваться отъ нихъ ихъ плутовствомъ. А за ясный умъ, за честность, за любовь -- не жди себѣ отъ людей славы и чести, потому что ясный умъ твой обличитъ ихъ неправду, честность твоя помѣшаетъ ихъ коварнымъ замысламъ, и любовь твоя заставитъ ихъ стыдиться своихъ похотей. Но все жъ таки, живя добродѣтельно, ты будешь счастливъ и пріобрѣтешь друзей. Друзьями тебѣ будутъ тѣ, кто поймутъ и полюбятъ тебя. Отъ другихъ же людей ты услышишь насмѣшки и ругательства, примешь побои и оплеванія. Но не сокрушайся этому, а радуйся, потому что это значитъ, что ты живешь праведно.

Такъ говорилъ Діогенъ съ учениками своими, и съ наступленіемъ вечера они расходились по домамъ, обдумывая все то, что слышали отъ своего учителя.

VII.

Отношенія Діогена къ людскимъ толкамъ.

Правъ былъ Кратесъ, ученикъ Діогена, когда сказалъ ему, что трудно перейти къ простой жизни, что придется перенести много насмѣшекъ и всякаго позора. Діогену, дѣйствительно, пришлось перенести все это.

Ксеніадъ, хозяинъ Діогена, очень любилъ его. Горько бывало Ксеніаду слышать насмѣшки и клеветы, которыя сыпались на его друга. Онъ приходилъ къ Діогену и изливалъ предъ нимъ свою душу, жалуясь на несправедливость людскую. И они подолгу между собою бесѣдовали.

— Что же про меня говорятъ? — спросилъ разъ Діогенъ у Ксеніада.

— Да говорятъ, что ты притворяешься дуракомъ.

— Скажи имъ, когда ихъ увидишь, — отвѣтилъ Діогенъ, — что они притворяются умными.

— Еще смѣются надъ тобою, что ты бросилъ кружку и пьешь изъ ладони.

— Да, вѣдь, они не знаютъ, почему я бросилъ кружку; можетъ-быть, оттого, что она была худая, а новой не зачѣмъ было заводить, такъ какъ я научился у мальчика пить изъ ладони. Но если бы и не такъ, что же изъ этого? Я знаю богача Клеона, онъ пьетъ изъ золотого стакана. Но если бы онъ умѣлъ и хотѣлъ пить изъ ладони, то ему не пришлось бы такъ кривить душой и подличать передъ сильными міра, чтобы удержать у себя свое золото.

— Еще говорятъ про тебя, что ты говоришь людямъ то, что они ни любятъ слушать.

— Чѣмъ же я виноватъ, что они не любятъ слушать правду?

— Имъ не нравятся твои привычки, твои дурачества, какъ они ихъ называютъ.

— Дурачества! Да, вѣдь, весь Коринѳъ наполненъ множествомъ самымъ вредныхъ дурачествъ, почему же мнѣ не могутъ простить мои немногія дурачества, которыя для меня полезны и другимъ не вредятъ? Развѣ тебѣ хочется, добрый Ксеніадъ, чтобы у меня не было этихъ дурачествъ? Вѣдь тогда мнѣ было бы тяжелѣе. Пускай смѣются надо мною за мои привычки, лишь бы позволили мнѣ спокойно жить. Если бъ у меня не было ничего смѣшного, они вѣдь, пожалуй, не вынесли бы моего присутствія и сжили бы меня со свѣту.

— Еще говорятъ про тебя, Діогенъ, что ты такъ

странно живешь, одѣваешься и поступаешь—только изъ гордости, чтобы отличиться передъ людьми.

— Почему же изъ гордости? Я поступаю такъ по своимъ убѣжденіямъ; неужели коринѳяне такъ проницательны, что могутъ знать даже мои намѣренія, почему я поступаю такъ, а не иначе? А если бы даже изъ гордости; такъ, вѣдь, и они не свободны отъ этой слабости, значитъ мы въ этомъ равны. И хотя бы я и жилъ такъ изъ гордости, я думаю, что все же полезнѣе жить такъ, какъ я, чѣмъ подражать имъ въ ихъ жизни. Полезнѣе ѣсть мою простую пищу, чѣмъ наслаждаться жирными кушаньями, которыми ихъ повара незамѣтно отравляютъ ихъ. И въ одеждѣ и въ жилищѣ полезнѣе соблюдать простоту, чѣмъ подражать богачамъ.

Я ужъ привыкъ къ этой умѣренности, такъ что она не тяготитъ меня, а, напротивъ, доставляетъ мнѣ большія выгоды, и эти выгоды я не промѣняю на удовольствіе сладко попить и поѣсть. Съ тѣхъ поръ, какъ я живу просто и бѣдно, я всегда веселъ и ко всему расположенъ; мой духъ ясенъ, разумъ дѣятеленъ, сердце чувствительно, всѣ мои силы мнѣ послушны, и не отъ желудка зависитъ мое обращеніе съ людьми. Красота природы всегда меня радуетъ. а къ перемѣнамъ погоды я привыкъ: могу переносить и зной, и холодъ, и голодъ, и жажду, выдерживаю вѣтеръ и ненастье, насколько только можетъ выдержать природа человѣка. Пусть ваши изнѣженные, похожіе на дѣвушекъ, разслабленные богачи, которымъ причиняетъ боль малѣйшая складка на ихъ мягкой постели, пусть они придутъ и перевѣдаются со мною во всемъ этомъ. Посуди же самъ, Ксеніадъ: нужно ли быть гордымъ для того, чтобы жить такъ, какъ я живу?

— Пожалуй, ты и правъ, Діогенъ — отвѣчалъ Ксеніадъ. Только я все думаю о томъ, а что будетъ, если всѣ начнутъ жить такъ? Вѣдь сама природа доставляетъ намъ столько удовольствій и изощряетъ нашъ умъ на изобрѣтеніе разныхъ предметовъ для убранствъ и наслажденій. Если ты правъ, то что же будетъ съ нау-

кой и искусствами? Все сотворено для насъ. Кто же всѣмъ этимъ будетъ пользоваться?

— Если ты что-нибудь присваиваешь себѣ, Ксеніадъ, это еще не значитъ, что оно сотворено для тебя. Я разскажу тебѣ притчу: одинъ богатый человѣкъ сдѣлалъ большой пиръ и позвалъ на этотъ пиръ всякихъ гостей изъ всѣхъ земель, народовъ и языковъ, всякаго званія, пола и возраста. По своей щедрости онъ предоставилъ всѣмъ своимъ гостямъ многія кушанья, и все въ большомъ изобиліи, и притомъ каждому далъ то, что ему всего полезнѣе. Всѣ ѣли и пили и благодарили хозяина. Но вотъ между гостями оказался одинъ, который не удовольствовался тѣмъ, что стояло передъ нимъ, и захватилъ себѣ и отдаленнѣйшія блюда, не разсуждая, что не все приготовлено для него одного, и что у него только одинъ желудокъ, или что нѣкоторые кушанья поданы для слабыхъ и хворыхъ гостей. И сталъ этотъ гость отнимать у другихъ и пожирать все, и наѣлся до тошноты, такъ что его стало рвать. Что скажетъ хозяинъ о такомъ гостѣ и какъ поступитъ съ нимъ?

Но дождавшись отвѣта, Діогенъ продолжалъ:

— Богатый и щедрый хозяинъ—это природа; гости - это всѣ люди у нея на пиру. А жадный гость—это тотъ богачъ, который собираетъ себѣ ѣду и питье изо всѣхъ странъ земныхъ и, живя на сѣверѣ, хочетъ во что бы то ни стало питаться южными плодами, а зимой поѣдать лѣтніе овощи. Пусть каждый беретъ то, что лежитъ подлѣ его, и ѣстъ столько, сколько нужно для утоленія его голода, тогда мы всѣ встанемъ изъ-за стола природы сытыми и здоровыми. Вотъ все, что произошло бы, если бъ всѣ стали жить по моимъ правиламъ. И какъ желалъ бы я, чтобы поскорѣе настало это время!

— Не знаю, когда настанетъ это время, — отвѣтилъ Ксеніадъ:—но ты, Діогенъ, сдѣлалъ, что могъ для того, чтобы оно приблизилось.

— —

VIII.

Старикъ и безсердечный богачъ.

Діогенъ вышелъ разъ изъ города Коринѳа и пошелъ прогуляться. Пришелъ онъ къ морскому берегу и видитъ - сидитъ на берегу старикъ и смотритъ въ даль, въ море, точно ждетъ кого-то, а по щекамъ его текутъ слезы. Діогену стало жалко старика, онъ подсѣлъ къ нему и говоритъ:

— О чемъ, дѣдушка, плачешь? Кого съ моря ждешь?

— Ахъ, милый человѣкъ, какъ мнѣ не плакать! Была у меня дочка, молоденькая, лѣтъ тринадцати, единая утѣха на старости моей. Красавица писанная, ужъ какъ умна и добра — и сказать нельзя. Разъ вышла она на берегъ погулять, камушки сбирать любила. Только въ это самое время пристала къ берегу лодка съ морскими разбойниками. Корабль ихъ стоялъ вдали отъ берега, въ морѣ на якорѣ. Дочка моя и не замѣтила, какъ они къ ней подкрались да и схватили ее. Она кричать; я на крикъ прибѣжалъ, бросился къ нимъ, просилъ, умолялъ ихъ, плакалъ, на колѣняхъ стоялъ передъ ними, въ ногахъ ползалъ—не сжалились. Поговорили что-то между собой, одинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мы за добычей охотимся. Дочка твоя дичина славная; мы за нее много денегъ возьмемъ, а продавать ее намъ все равно кому; хочешь, и тебѣ продадимъ, уважимъ тебя на старости лѣтъ, подешевле возьмемъ, давай за нее одинъ талантъ *).

— Что вы, помилуйте! За мою-то дочь да мнѣ же и платить цѣлый талантъ!

— Какъ хочешь, говорятъ, намъ все равно; продадимъ ее и въ другомъ мѣстѣ, у насъ ее какой-нибудь царь или князь возьметъ. За красоту ея много дадутъ!

— Такъ я не могъ я ихъ умилостивить. Что мнѣ дѣ-

*) Талантъ—на наши деньги 1300 руб. сер.

лать? Побѣжалъ я къ прежнему своему барину, Херею; усадьба его здѣсь, недалеко. Я у него рабомъ прежде былъ, да откупился, теперь рыболовствомъ занимаюсь. Знаю я, что у него денегъ счету нѣтъ. Пожалѣетъ, думаю, отца-старика, своего слугу прежняго. Пришелъ къ нему, повалился въ ноги, просилъ, просилъ...

— Нѣтъ, говоритъ, извини меня, у меня нѣтъ теперь свободныхъ денегъ.

Отвернулся и пошелъ прочь отъ меня. Вернулся я на берегъ: разбойники ждутъ; какъ увидали, что я ни съ чѣмъ пришелъ, отпихнули лодку и поплыли въ море. Я такъ и повалился безъ памяти. А очнулся, вижу— корабль чуть виднѣется въ морской синевѣ. Теперь каждый день хожу сюда да смотрю въ море, все думается— не вернется ли дочка моя ненаглядная!

И старикъ опять заплакалъ.

— Жаль мнѣ тебя, — сказалъ Діогенъ,—да помочь-то тебѣ не знаю чѣмъ. Только и могу сказать, что плакать не надо, слезами не вернешь ея. Лучше займись своимъ дѣломъ, работа утѣшитъ горе твое. А то, можетъ, попадется тебѣ другая дочка, пріемная. Ты ее полюби вмѣсто своей, и легче станетъ.

— Спасибо, добрый человѣкъ, на ласковомъ словѣ; но не такое мое горе, чтобы легко было его забыть.

Простился Діогенъ со старикомъ и пошелъ назадъ. Проходить ему надо было черезъ Хереевъ садъ, и встрѣтилъ Діогенъ самого хозяина.

Херей иногда изъ любопытства приходилъ слушать Діогена: и видѣлъ Діогенъ, что Херею трудно понять его, а еще труднѣе перемѣнить жизнь, потому что любитъ еще онъ свое богатство больше души своей.

Увидавъ Діогена, Херей обрадовался ему и ласково сказалъ:

— Здравствуй, учитель! Зайди ко мнѣ; я тебѣ покажу новую картину.

Діогенъ зашелъ къ нему. Херей показалъ ему картину. Видитъ Діогенъ: нарисованы три голыя женщины, а вокругъ нихъ цвѣты и мотыльки, просто смотрѣть совѣстно. А Херей говоритъ.

— Ну, что, Діогенъ, не правда ли, прекрасная картина? А знаешь, сколько я за нее заплатилъ? Не дорого, только четыре таланта.

— Четыре таланта! Ахъ, Херей, Херей! и ты не могъ дать одного таланта старику, чтобы возвратить ему его дочь изъ плѣна, а четыре таланта тратишь на такую дрянь. Да, вѣдь, черезъ нѣсколько дней эта картина тебѣ надоѣстъ, ты на нее и смотрѣть не станешь. А старикъ-отецъ все плачетъ и никогда не утѣшится.

Горько стало Діогену видѣть такое безсердечіе, онъ зналъ, что такихъ людей тысячи, и каждый изъ нихъ живетъ страданіями многихъ бѣдняковъ. У Діогена душа возмутилась, и рѣчь его полилась неудержимымъ потокомъ.

— Горе вамъ, горе, богатые! Смотрю я на ваши палаты, сады, картины, статуи, золото, серебро и слоновую кость, на ваши игры и театры, и вижу я за ними десятки тысячъ голодныхъ, холодныхъ людей, имъ негдѣ укрыться отъ ненастья, потому что вы живете въ мраморныхъ палатахъ. Имъ нечѣмъ прикрыть свою наготу, потому что вы сами и ваши рабы блестите въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ; нечѣмъ насытиться, потому что вы проѣдаете на пиру недѣльное пропитаніе тысячъ! Да что я говорю понапрасну: вѣдь, вамъ говорить все равно что стѣнамъ—не услышите. Чего бы я не далъ, чтобы мнѣ удалось одного изъ васъ разжалобить!

— Ты несправедливъ къ намъ, учитель, — возразилъ Херей.—И мы живемъ не безъ пользы для другихъ; подумай, сколько людей кормятся нашими затѣями, сколько мы даемъ работы другимъ. Мы поддерживаемъ этимъ промышленность, художество, торговлю!

— Не говори мнѣ этого, Херей. Ты самъ знаешь, что и на пожарищѣ можно добыть огня, чтобы засвѣтить свою лампу, но никто не назоветъ пожаръ благодѣяніемъ. Еще бы вы не тратили своего богатства на прокормленіе тѣхъ, кто трудится для вашей лѣности, тщеславія и роскоши. Но вспомни, Херей, сколько несчастныхъ людей совсѣмъ не могутъ служить твоимъ прихотямъ, сколько больныхъ людей умираютъ въ нищетѣ и лишеніяхъ.

Вспомни невинную дѣвушку, съ которой срисована твоя картина. Ты платишь бѣшеныя деньги за такую картину, между тѣмъ какъ на половину этихъ денегъ ты могъ бы навсегда избавить несчастную дѣвушку отъ необходимости служить твоему разврату. А сколько сиротъ безпомощныхъ нуждаются въ попеченіи. Сочти, сколько тысячъ людей должны нуждаться для того, чтобы одинъ изъ васъ могъ ежегодно проживать десятки и сотни тысячъ! Вамъ слѣдовало бы дѣлать добро хотя бы только для того, чтобы отвратить отъ себя ненависть, которую внушаетъ людямъ ваша безумная расточительность. Много, много людей, несмотря на самую тяжелую работу, не могутъ заработать для своихъ дѣтей столько хлѣба, сколько вы ежедневно велите выдавать на кормъ собакамъ своимъ. Подумай объ этомъ Херей, и опомнись!

IX.

Обличеніе лицемѣрія и другихъ пороковъ.

Такъ обличалъ Діогенъ не только безсердечныхъ богачей, но и многихъ другихъ, въ комъ видѣлъ неправду и зло.

Для своихъ бесѣдъ онъ не искалъ какого-либо опредѣленнаго мѣста, не требовалъ, чтобы ему устроили домъ или школу. Выйдетъ на дорогу, на площадь, встрѣтится съ кѣмъ-нибудь, остановитъ его, заговоритъ съ нимъ и скажетъ ему что-нибудь полезное. Въ это время другіе подойдутъ, соберутся слушатели, станутъ его спрашивать, а онъ начнетъ ихъ учить.

Хозяинъ Діогена, Ксеніадъ, позволялъ ему когда угодно отлучаться изъ дому, и Діогенъ часто ходилъ по разнымъ городамъ; но больше всего училъ народъ въ Аѳинахъ и Коринѳѣ. Въ Аѳины онъ уходилъ зимой, а лѣтомъ оставался въ Коринѳѣ. Онъ говорилъ самъ про себя:

— Я точно царь персидскій: лѣто провожу въ одной странѣ моего царства, а на зиму переѣзжаю въ другую.

Больше всего возмущало Діогена въ людяхъ лицемѣріе и фарисейство, и онъ, не переставая, убѣждалъ людей не прикрывать свою душевную нечистоту ни нарядными одеждами, ни богатствомъ, ни господствомъ и властью надъ людьми, ни гордостью учености и знанія.

Разъ Діогенъ увидалъ молодого человѣка въ богатой, блестящей одеждѣ. Лицо его сіяло гордостью; повидимому, онъ почиталъ себя великимъ. Но рѣчи его обличали его пустоту и безнравственность. Діогенъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Когда я увидалъ тебя и затѣмъ услышалъ твои слова, мнѣ представилось, что кто-то предо мною изъ роскошныхъ ноженъ, обдѣланныхъ въ золото и слоновую кость, извлекъ притупленный, заржавѣвшій мечъ".

У грековъ было въ обычаѣ дарить плащъ изъ львиной шкуры тому, кто прославился добрымъ дѣломъ въ общую пользу.

Увидалъ разъ Діогенъ одного человѣка, ничѣмъ не знаменитаго, но надѣвшаго на себя львиную шкуру, чтобъ пріобрѣсти почетъ отъ людей. Онъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Зачѣмъ позоришь ты знаки добродѣтели! Не они убѣлили тебя, а ты загрязнилъ ихъ".

Людей, много говорящихъ о честности, но не живущихъ честно, Діогенъ называлъ балалайками: „Бренчите вы громко,—говаривалъ онъ,—внутри пусты, и толку въ васъ никакого".

Жилъ въ городѣ Аѳинахъ человѣкъ очень гордый и считавшій себя праведникомъ. Ему хотѣлось, чтобы никто изъ порочныхъ людей не приближался къ нему, хотѣлось огородиться отъ нихъ. Онъ и написалъ на своемъ дому: „Да не входитъ въ мой домъ ничего нечистаго".

Діогенъ проходилъ мимо этого дома, остановился и сталъ разбирать эту надпись. Вокругъ него собрался народъ и ждалъ, что онъ скажетъ. Діогенъ громко, вслухъ прочиталъ эту надпись и, обратившись къ народу, спросилъ:

— А какъ же самъ хозяинъ входитъ сюда?

И ученыхъ людей, и музыкантовъ, и проповѣдниковъ Діогенъ обличалъ въ лицемѣріи; онъ зналъ, что не ради пользы людей занимаются они своимъ дѣломъ, а для того, чтобы обезпечить свое положеніе.

— Вы, музыканты,—говорилъ онъ,—усердно заботитесь о томъ, чтобы настроить свои инструменты, хотите, чтобы они издавали хорошій звукъ, но не думаете вовсе о томъ, чтобы душу свою настроить на добрыя дѣла.

Ученымъ онъ говорилъ: „Вы старательно изучаете, какое несчастье постигло какого-нибудь древняго царя въ его путешествіяхъ, но своихъ пороковъ, приносящихъ людямъ много несчастій, не знаете. Вы смотрите въ трубы на солнце и луну и слѣдите за ихъ движеніемъ, а подъ носомъ у себя ничего не видите и на каждомъ шагу спотыкаетесь. Вокругъ васъ раздаются стоны людей, умирающихъ съ голоду и холоду, а вы на планетѣ ищите жителей“.

— Проповѣдники,—говорилъ онъ,—любятъ говорить о справедливости, а поступать справедливо не любятъ.

Также считалъ онъ лицемѣріемъ обряды языческаго богослуженія и обличалъ за это людей мѣткими шутками. Такъ разъ зашелъ онъ въ храмъ. Молящіеся лежали, припавъ лицомъ къ землѣ передъ изображеніемъ бога. Діогенъ громко сказалъ:

А что если Богъ вдругъ явится сзади васъ, вѣдь вамъ будетъ совѣстно.

Въ другой разъ Діогенъ поспорилъ съ жрецомъ, утверждавшимъ, что идолъ, которому онъ служитъ, творитъ чудеса. Діогенъ говорилъ, что это неправда. Жрецъ повелъ его къ храму, показалъ ему на множество принесенныхъ жертвъ и сказалъ:

-- Посмотри, сколько жертвъ принесено богинѣ Діанѣ за сотворенныя ею чудеса, исцѣленія и исполненія разныхъ прошеній! Не свидѣтельствуетъ ли это о ея могуществѣ?

Діогенъ на это возразилъ:

— Если бъ былъ обычай приносить жертвы за каж-

дое неисполненное прошеніе, то жертвъ было бы еще гораздо больше!

Когда Діогена спросили разъ, что въ людяхъ самое прекрасное, онъ отвѣтилъ: „Искренность и простота. Человѣкъ съ открытой душой на виду у всѣхъ. Ошибется онъ, добрые люди помогутъ ему исправить его вину и утѣшатъ печаль его. А скрытный человѣкъ таитъ въ себѣ грѣхъ свой, который разъѣдаетъ его душу, какъ внутренняя болѣзнь, недоступная глазу самаго опытнаго врача, и никто не знаетъ, какъ лѣчить ее, и больной умираетъ безъ помощи въ страшныхъ страданіяхъ“.

И самъ Діогенъ такъ и жилъ открыто, на виду у всѣхъ. „Пускай,—говорилъ онъ,—видятъ люди, каковъ я есть, по крайней мѣрѣ, не обманутся, и если похвалятъ, то за должное, а побранятъ—такъ за дѣло“.

Онъ не любилъ всякаго наружнаго блеска, а потому доставалось отъ него также и щеголямъ.

Разъ подошелъ къ нему молодой челокѣкъ, раздушенный, завитой, напомаженный, разукрашенный золотыми погремушками, точно красная дѣвушка, и задалъ Діогену какой-то вопросъ. Діогенъ посмотрѣлъ на него, и сказалъ: „Не могу отвѣтить тебѣ, потому что не различу, кто стоитъ передо мною—мужчина или женщина“.

Вошелъ разъ Діогенъ въ домъ къ одному человѣку и увидалъ, какъ знакомый его наряжался и украшалъ свое тѣло. Діогенъ спросилъ его: „Для кого ты это дѣлаешь? Если для своего брата — мужчинъ, такъ напрасно, ихъ этимъ не удивишь. А если для женщинъ, то ты служишь разврату и ихъ соблазняешь“.

Однажды въ собраніи подошелъ къ нему человѣкъ сильно надушенный; Діогенъ обратился къ нему и сказалъ: „Ты заботишься о томъ, чтобы голова и руки твои хорошо пахли; смотри лучше, чтобы жизнь твоя не издавала зловонія пороковъ“.

Кто-то въ насмѣшку надъ Діогеномъ подарилъ ему банку духовъ. Діогенъ вылилъ всю банку себѣ на ноги.— „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? спросили его. — А какъ же иначе?—отвѣтилъ Діогенъ:—если бы я надушилъ свою голову, весь запахъ бы ушелъ вверхъ, и я бы его не по-

чувствовалъ, а теперь отъ ногъ онъ поднимается къ самому носу, и я буду его нюхать“.

И другіе пороки и страсти въ людяхъ обличалъ Діогенъ и говорилъ, что подобно тому, какъ рабъ подчиненъ своему господину, такъ порочный человѣкъ подчиняется своимъ страстямъ и теряетъ самое дорогое сокровище души своей—свободу.

Разсуждалъ Діогенъ объ истинномъ счастіи и правильной жизни, и скорбѣлъ о томъ, что человѣкъ, разумная Божья тварь, заблудился, потерялъ образъ Божій, пересталъ быть *человѣкомъ*. И эту мысль онъ часто высказывалъ.

Разъ, когда онъ выходилъ изъ общественной бани, кто-то спросилъ его:

— Много ли тамъ людей?

— Народу много, а людей, настоящихъ людей не видалъ,—отвѣтилъ ему Діогенъ.

Въ другой разъ онъ проходилъ по площади и видѣлъ, какъ суетилась толпа народу на базарѣ; всѣ кричали, бранились; купцы надували покупателей; богачи сыпали деньгами, покупая себѣ совсѣмъ ненужныя вещи, и отталкивали назойливыхъ нищихъ. Діогенъ остановился посреди площади и закричалъ: „Люди, подойдите ко мнѣ!“—Праздная толпа хлынула въ его сторону и окружила его.

— Зачѣмъ вы подошли ко мнѣ? — сказалъ имъ Діогенъ.—Что вамъ отъ меня нужно? Я не васъ звалъ, а людей; а ихъ то между вами я не вижу.

А разъ было такъ: онъ днемъ зажегъ фонарь и пошелъ съ нимъ по улицамъ города. Ходитъ, во всѣ закоулки заглядываетъ, будто чего-то ищетъ. Остановили его и спрашиваютъ: „Чего ты ищешь?“—Онъ съ грустью отвѣтилъ: „Я ищу человѣка“.—Съ тѣхъ поръ и пошла поговорка, когда хотятъ сказать: „рѣдкій человѣкъ, другого такого не найти“, про него говорятъ: „такого человѣка днемъ съ фонаремъ не сыщешь“.

Когда же насмѣхались надъ нимъ и ругали его, онъ часто остроумнымъ словомъ останавливалъ насмѣшку и обращалъ ее на того, кто хотѣлъ надъ нимъ посмѣяться.

Одинъ плѣшивый человѣкъ сталъ ругать его на площади и насмѣхаться надъ нимъ. Діогенъ сказалъ ему:

Я на тебя не сержусь, но хвалю твои волосы за то, что они ушли съ такой плохой головы.

И во многихъ другихъ случаяхъ онъ удивлялъ своею проницательностью и умомъ.

Его спросили разъ: „Какіе есть на свѣтѣ самые кровожадные звѣри?“—Онъ отвѣчалъ: „Въ горахъ и лѣсахъ—львы и медвѣди, въ городахъ—откупщики и доносчики“.

Разъ Діогенъ просилъ милостыни у одного богача, но тотъ отказалъ ему. Кто-то изъ видѣвшихъ это и знавшій, что Діогену нерѣдко отказываютъ, спросилъ его: „Почему это нѣкоторые люди охотно подаютъ милостыню калѣкамъ и нищимъ и отказываютъ мудрецамъ?“

— Должно быть оттого,—отвѣтилъ Діогенъ,—что эти люди боятся сами стать калѣками и нищими, но знаютъ навѣрное, что мудрецами они не станутъ никогда, а потому и не жалѣютъ ихъ.

Діогенъ зашелъ къ богатому человѣку на пиръ; ему налили тамъ большой кубокъ вина. Діогенъ взялъ его и вылилъ на полъ. И хозяинъ и гости напустились на Діогена, зачѣмъ онъ даромъ погубилъ столько дорогого вина. Діогенъ отвѣчалъ имъ на это.—„Если бы я его выпилъ, оно также погибло бы, да еще и меня бы попортило. А теперь оно погибло, не причинивъ мнѣ вреда“.

У грековъ было въ обычаѣ награждать того, кто вышелъ побѣдителемъ на скачкахъ или въ кулачномъ бою,—лавровымъ вѣнкомъ. Разъ въ собраніи народа Діогенъ надѣлъ на себя такой вѣнокъ. Это было нарушеніемъ закона и обычая, и многіе стали ругать его за то, что онъ преступаетъ законъ.

— Почему же другимъ вы надѣваете вѣнки, а мнѣ не хотите позволить носить его?—спросилъ ихъ Діогенъ.

— Потому что ты не побѣдитель,—отвѣчали ему.

— Развѣ вы не знаете, что я тоже побѣдитель,—сказалъ Діогенъ.—Вы награждаете побѣдителей на скачкахъ и въ кулачномъ бою, но вѣдь тамъ борятся изъ-за ко-

рысти и честолюбія. Я же безъ этихъ низкихъ цѣлей побѣдилъ гораздо сильнѣйшихъ враговъ во имя правды. Я въ самомъ себѣ побѣдилъ рабство и завоевалъ свободу; я одолѣлъ гнѣвъ и позоръ; пересилилъ болѣзни, жадность и страхъ; наконецъ, я побѣдилъ самое опасное и неприступное животное, лукавое и гордое, я побѣдилъ „наслажденіе“.

Много сохранилось такихъ разсказовъ и мѣткихъ словъ Діогена. Здѣсь приведены только нѣкоторые изъ нихъ

X.

Какъ Діогенъ защитилъ невиннаго.

Лежалъ разъ Діогенъ подъ деревомъ, скрываясь отъ зноя, и размышлялъ о жизни. И видитъ, идетъ къ немъ человѣкъ. Сначала досадно стало Діогену. „Помѣшаетъ онъ моему любезному занятію“, подумалъ такъ про себя— и устыдился.—А какое я право имѣю,—сказалъ онъ себѣ,—досадовать, что ко мнѣ гость идетъ? Развѣ гость можетъ знать, что мнѣ сейчасъ не хочется говорить съ нимъ? Ахъ ты, Діогенъ, Діогенъ, сынъ Ицессія, много еще тебѣ, дураку, учиться надобно!“

Онъ часто такъ останавливалъ себя, когда ему въ голову приходила какая-нибудь скверная мысль.

А человѣкъ, между тѣмъ, подошелъ ближе, здоровается. Это былъ Клиній, богачъ и кутила. Доставалось такимъ людямъ отъ учителя. Зналъ онъ, скольких слезъ стоило ихъ веселье.

— Какъ поживаешь, Діогенъ?—спросилъ Клиній.

— Ничего, живу понемножку,—отвѣчалъ Діогенъ.

— Я хочу съ тобой посидѣть.

— Садись, коли другого дѣла нѣтъ.

— Да вотъ же и нѣтъ другого. Ахъ, нѣтъ, забылъ, есть дѣльце: надо бы въ городъ на площадь итти.

— Зачѣмъ?

— Да тамъ сегодня одного человѣка, ни въ чемъ не-

повиннаго, засудить хотятъ. А жена его вчера ко мнѣ приходила, защиты просила. Я того человѣка хорошо знаю.

— Такъ что жъ ты думаешь?

— Да такъ, не охота. Вчера пообѣщалъ, а сегодня раздумалъ.

— Какъ раздумалъ? Какъ не охота! Вѣдь человѣкъ-то погибнетъ.

— Ахъ, Діогенъ! знаешь, я вчера былъ на пиру у пріятеля, ну, выпилъ лишняго, теперь съ похмѣлья голова какъ чужая, мысли путаются, никуда я не годенъ. Да, вчера она меня разжалобила, такъ умильно просила. Съ ребятишками двумя приходила. Пожалѣй, говоритъ, ихъ-то, вѣдь по-міру пойдемъ, какъ отца засудятъ. И ребятишки захныкали, къ матери прижались,—даже меня слеза прошибла. И баба такая пригожая. Ну, слабъ человѣкъ, я ей того, намекнулъ, что отъ тебя, молъ, сударыня, зависитъ. Такъ нѣтъ, озлилась.—Прощай, говоритъ, не поминай лихомъ. А намъ, говоритъ, видно, судьба такая, померeть придется.

— Что ты, Клиній, опомнись!—вскричалъ Діогенъ.— Неужели въ такое время, когда предъ тобой мать съ малыми дѣтьми плакала, ты объ этакомъ дѣлѣ подумалъ?!

— Ну, ну, ты все меня учить хочешь, а мнѣ теперь совсѣмъ не до этого. Пойду, погуляю, тутъ у меня пріятель живописецъ: такую мнѣ картину пишетъ, что просто заглядѣнье! Не хочешь ли, Діогенъ, и ты посмотрѣть? Пойдемъ со мной!

— Нѣтъ, братъ, спасибо, ты у меня все нутро повернулъ, теперь у меня изъ головы не выйдетъ эта семья. Подумай, Клиній, легко ли?

Богачъ ушелъ, а Діогенъ остался самъ не свой; ребятишки плачущіе, за отца просящіе, такъ и стоятъ передъ глазами, покоя не даютъ.

„Эхъ, бѣдняга,—думаетъ онъ,—не пойти ли мнѣ попытаться защитить его? Хотѣлось бы пособить, да на одномъ хотѣніи далеко не уѣдешь. Я не начальникъ судьямъ, знакомства не вожу съ ними, на меня и не посмотрятъ... Нѣтъ, все-таки пойду, попытаюсь!“

И пошелъ Діогенъ въ городъ. Приходитъ на площадь, судъ еще не начинался. Увидалъ онъ одного изъ судей, подошелъ къ нему и попросилъ разсказать, въ чемъ состоитъ дѣло.

— Да, жаль человѣка, — сказалъ судья: — ни за что пропадаетъ. И вина-то вся выѣденнаго яйца не стоитъ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Да были у него деньги казенныя на храненье сданы. Человѣкъ онъ твердый, честный, зря не швырялъ ими. Ну, забрала одного человѣка на него зависть: захотѣлось ему погубить его. Пришелъ къ нему съ фальшивой запиской отъ управы; въ запискѣ говорилось, что требуются деньги по казенной надобности. Тотъ по простотѣ и отдай, а деньги-то въ трубу улетѣли. Тутъ другіе пріятели выискались, давай казну повѣрять — не хватаетъ,--ну и засадили его, сегодня покончатъ.

Еще жалче стало Діогену несчастнаго.

„Что моей силы хватитъ, буду отстаивать,—сказалъ онъ себѣ. — Иной разъ, какъ начну говорить, у меня хорошо выходитъ“.

Начался судъ. Привели заключеннаго. Онъ стоитъ, робѣетъ, слова выговорить не можетъ; чуетъ, что не ради правды собрался судъ, что помѣшалъ честный человѣкъ разбойникамъ. Не уйти воробью отъ стаи коршуновъ.

Обсудили дѣло судьи и, для порядка, вызвали защитника.

— Кто скажетъ слово въ его оправданіе?

Тогда выступилъ Діогенъ и обратился къ судьямъ.

— Господа судьи,—началъ онъ,- есть ли въ васъ совѣсть? Вѣдь васъ хотятъ заставить загубить человѣка, ни въ чемъ не повиннаго. Посмотрите, вотъ жена его, молодая хозяйка, стоитъ, а ребятишки за платье ея держатся, взгляните-ка - вѣдь на нихъ лица нѣтъ!

И затихъ говоръ на площади, и опустили головы судьи. А Діогенъ продолжалъ, и разсказалъ все, что зналъ онъ добраго объ этомъ человѣкѣ, просилъ, умолялъ судей смиловаться, показать справедливость свою. Не словами онъ донялъ ихъ — чистымъ сердцемъ своимъ,

любовью, которая чувствовалась въ его словахъ. Растопилъ онъ этой любовью желѣзныя сердца ихъ и побѣдилъ противниковъ.

Стали совѣщаться судьи, и оказалось большинство на сторонѣ несчастнаго. Старшій судья объявилъ, что подсудимый оправданъ.

Бросились жена и дѣти къ нему, обнимаются. Народъ загалдѣлъ, зашумѣлъ, а Діогенъ, сдѣлавши свое дѣло, вышелъ изъ толпы да потихоньку выбрался изъ города и пошелъ домой.

Легко и радостно было у него на душѣ. Въ тотъ вечеръ онъ былъ счастливъ такъ, какъ никогда не бывалъ.

XI.

Діогенъ и Вакхидъ.

Разъ Діогенъ пошелъ въ рощу, стоявшую на морскомъ берегу. Идетъ Діогенъ по этой рощѣ и видитъ: сидитъ на дорогѣ человѣкъ, бѣдно одѣтый, и принимается ужинать.

Развернулъ человѣкъ котомочку, вытащилъ хлѣбца сухого да корешковъ какихъ-то и принялся жевать.

„Что за чудо?"—думаетъ Діогенъ, всмотрѣлся пристальнѣе и вспомнилъ, что видѣлъ и знавалъ этого человѣка еще въ Аѳинахъ.

Зналъ Діогенъ, что было у этого человѣка богатство несмѣтное, и жилъ онъ съ безумною роскошью. Вспомнилъ, какъ его звали и поздоровался:

— Здравствуй, Вакхидъ. Ты ли это?

— Я, я, Діогенъ! Вотъ хорошо, что мы встрѣтились. Вѣдь я иду къ тебѣ изъ Аѳинъ, хочу поступить въ твою школу.

— Да у меня нѣтъ школы.

— Ну, что жъ, я буду твоимъ первымъ ученикомъ.

— Да чему тебѣ учиться отъ меня? Когда я уѣзжалъ изъ Аѳинъ, ты былъ такъ доволенъ и счастливъ.

— Ахъ, Діогенъ, это время миновалось; видишь, я нищій; прошу тебя, научи меня, какъ мнѣ теперь стать счастливымъ?!

— Куда же дѣвалось твое богатство? Съ тобою случилось какое-нибудь несчастье?

— Нѣтъ, несчастья со мной никакого не было, въ 10 лѣтъ я прожилъ все, что получилъ въ наслѣдство. За то какъ я жилъ! Ты помнишь, Діогенъ, вѣдь я былъ первымъ богачемъ въ Аѳинахъ, у меня были дома, помѣстья, фабрики, заводы, свои корабли; а въ домѣ, гдѣ я жилъ, какія у меня были статуи, картины, сколько золота и драгоцѣнныхъ камней. Рабы и рабыни исполняли всякую мою мечту! Сколько людей мнѣ завидовало! Я наслаждался всѣмъ этимъ, сколько могъ, и потратилъ все мое богатство на великолѣпіе, пышность, на праздники и пиры. За то теперь отчаяніе беретъ, когда подумаю, что со мною будетъ!

— Ну, а когда ты такъ швырялъ деньгами во всѣ стороны, ты, вѣрно, много нажилъ себѣ друзей?

— Друзей? Да, у меня было много друзей тогда, когда я пировалъ съ ними, а теперь всѣ отъ меня отступились. Помоги мнѣ хоть ты, Діогенъ; научи, что мнѣ дѣлать?

— Что жъ мнѣ съ тобой дѣлать, Вахкидъ? А хотѣлъ бы ты, чтобъ тебѣ опять вернулось твое богатство?

— Еще бы, конечно! Только развѣ это возможно?

— Можно-то можно, только если такъ, то жалѣю тебя: трудно тебѣ стать счастливымъ.

— Да кто же мнѣ возвратитъ мое богатство?

— Трудомъ, прилежаніемъ, умѣренностью можно все добыть. Золото въ землѣ лежитъ. Копай и найдешь

— Такъ-то, такъ, Діогенъ, да бѣда въ томъ, что копать я не люблю. А если бъ и захотѣлъ, не умѣю. Всякой работѣ надобно научиться, а я ничему не учился.

— Ну, такъ поступи куда-нибудь на службу, тебя возьмутъ,—вѣдь ты знатнаго рода.

— Куда же я поступлю? Хорошаго, высокаго мѣста мнѣ не дадутъ, вѣдь и для этого надо что-нибудь знать,

а маленькаго я и самъ не возьму. Вотъ еще—чтобъ я сталъ на посылкахъ бѣгать у какого-нибудь жирнаго барина! Нѣтъ, лучше въ каторгу пойду, а туда не согласенъ!

— Ну, не много же тебѣ осталось честныхъ путей добывать себѣ хлѣбъ насущный!

— Все это я знаю, Діогенъ, и не о томъ прошу тебя; научи, какъ въ этомъ моемъ положеніи стать счастливымъ, какъ въ нуждѣ счастливо жить, какъ быть такимъ бѣднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ счастливымъ, какъ ты, Діогенъ.

— Я счастливъ, это правда, Вакхидъ, но въ нуждѣ трудно быть счастливымъ; ты забываешь, что я не бѣднякъ, а богачъ, я богаче всѣхъ богачей всего міра, потому что у меня всегда больше, чѣмъ мнѣ нужно, и я никогда ни въ чемъ не нуждаюсь. Мнѣ нужно такъ мало, что я вездѣ нахожу то, что мнѣ нужно, и никогда не чувствую нужды. Посмотри на меня,—ты видишь, что я здоровъ и крѣпокъ,—это оттого, что мнѣ мало нужно! Я помогаю рабамъ въ трудной работѣ, чтобы потратить излишекъ силы.

Вакхидъ удивленно посмотрѣлъ на Діогена.

— Тѣло, — продолжалъ Діогенъ, — это орудіе для работы нашей души. Нужно смотрѣть, чтобы оно было исправно. Тогда и душѣ легче работать. А работы ей много. Сочувствіе друга помогаетъ ей. А друга можно найти въ человѣкѣ только тогда, когда ни ты отъ него, ни онъ отъ тебя не ожидаетъ подачки. И это мнѣ сдѣлать легче, чѣмъ кому-нибудь другому. И у меня есть друзья, и они утѣшаютъ меня.

— Это все такъ. Діогенъ, а все же погляжу на тебя—кормишься ты бобами да кореньями, одѣтъ въ дерюгу, а живешь, говорятъ, въ конурѣ.

— Зато у меня есть и дача. Хочешь жить со мною, —лѣтній домъ у меня попросторнѣе. Вотъ здѣсь недалеко, на морскомъ берегу есть пещерка, я тамъ ночую. Славно тамъ ночью бываетъ: воздухъ такой легкій, въ сосѣдней рощѣ соловьи поютъ, а вдаль посмотришь—синѣетъ море безконечное. Волна прибойная все шу-

митъ, напѣваетъ какую-то жалобную пѣсню. Хорошо тамъ, пойдемъ; постель мягкая; я тебѣ сухихъ листьевъ подкину. Столъ каменный для закуски. Пойдемъ.

Поморщился Вакхидъ, а дѣлать нечего, некуда дѣться; согласился. Пошли.

Не долго они пожили вмѣстѣ. Въ первую же ночь Вакхидъ не могъ ни на минутку заснуть. Ворочался съ боку на бокъ да вспоминалъ, какъ онъ спалъ на лебяжьемъ пуху да на мягкихъ подушкахъ.

Поутру встали. Надо завтракать. Діогенъ пошелъ, набралъ ягодъ, вытащилъ хлѣба изъ котомки, самъ поѣлъ и гостя угостилъ тѣмъ же.

Вакхидъ пожевалъ, — не вкусно. Діогенъ насытился, а Вакхидъ только вздыхаетъ о своихъ прежнихъ обѣдахъ.

„Ну,—думаетъ Діогенъ,—не долго поживетъ здѣсь мой гость-ученикъ. Не по немъ придется мое ученіе".

А все-таки попробовалъ, поговорилъ съ нимъ о томъ, какъ бы ему теперь начать жить. Да только плохо слушалъ его ученикъ, такъ Діогенъ и бросилъ.

„Не того, – думаетъ,—ему надо.

Вблизи пещеры, гдѣ жилъ Діогенъ, на морскомъ берегу стояла рыбацкая хижина. Жилъ въ ней рыбакъ съ женою и тремя дочерьми. Вышли Діогенъ и Вакхидъ изъ пещеры и пошли по берегу моря. А дочери рыбацкія въ то время у хижины сидѣли, невода чинили. Увидалъ ихъ Вакхидъ, и откуда прыть взялась.

— Пойдемъ, говоритъ,—поскорѣе, мнѣ хочется на этихъ красавицъ поближе взглянуть, — и глаза у него заблестѣли.

„Ахъ ты, старикъ безпутный!—подумалъ Діогенъ.— Ну, не научиться тебѣ жить по-моему, коли ты еще этихъ глупостей не бросилъ".

Вакхидъ побесѣдовалъ съ дѣвушками, отца дома не было, потомъ пошелъ съ Діогеномъ въ городъ Коринѳъ; Діогенъ вернулся къ своему господину Ксеніаду, а Вакхидъ сталъ шляться по городу.

Къ вечеру Діогенъ опять пришелъ въ свою пещеру:

Вакхидъ сидитъ тамъ, его дожидается; какъ увидѣлъ Діогена, вскочилъ, кинулся навстрѣчу, кричитъ весело:

— Ну, Діогенъ, я себѣ веселое занятіе нашелъ!

— Что такое, какое занятіе?

— Да встрѣтилъ я въ Коринѳѣ раба одного, по одеждѣ вижу, что богатаго господина рабъ; я съ нимъ познакомился, разговорились мы, онъ и разсказалъ мнѣ, что послалъ его молодой баринъ найти комнату на ночь,— покутить захотѣлось съ пріятелями. А отецъ-то у него строгій. На эту ночь онъ по дѣламъ уѣхалъ. Рабъ весь городъ исходилъ, не нашелъ подходящей комнаты. Ну, вотъ, я и предложилъ ему услужить. И привелъ его къ этой рыбацкой хижинѣ. Отецъ у нихъ на ловлю дня на три уѣхалъ. А мать съ дочерьми охотно пускаютъ: вотъ мы и уладили дѣльце. То-то будетъ веселье на славу! Старое время вспомнимъ!

— Прощай, Вакхидъ!—съ грустью сказалъ Діогенъ.— Теперь я тебѣ больше не нуженъ; по этой дорогѣ я не могу провожать тебя. Я тебѣ не товарищъ. Жалѣю, что ты отнялъ у меня мой лѣтній домъ. Теперь мнѣ стыдно будетъ притти сюда. Прощай, не поминай меня лихомъ!

И Діогенъ вернулся въ Коринѳъ.

XII.

Бесѣда Діогена съ Филомедономъ о трудѣ и богатствѣ.

Діогенъ обличалъ богачей за ихъ роскошь и праздность; они сердились на него, уходили отъ него, но правдивыя рѣчи нерѣдко доходили до совѣсти, и они опять возвращались и снова заводили съ нимъ споры.

Такъ пришелъ разъ къ нему богачъ Филомедонъ. Діогенъ уже не разъ бесѣдовалъ съ нимъ, и вотъ онъ опять пришелъ, хотѣлось ему доказать Діогену, что и такіе богачи, какъ онъ, достойны уваженія.

— Неужели ты думаешь, Діогенъ, что жизнь моя пропадетъ даромъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Діогенъ: — только я полагаю, что каждый бѣдный чернорабочій, напримѣръ, водовозъ, достоенъ уваженія больше тебя.

— Какъ такъ? Почему?—воскликнулъ Филомедонъ съ негодованіемъ.

— Не сердись, Филомедонъ: меня этимъ не испугаешь. Я говорю тебѣ правду, — продолжалъ Діогенъ.— Хотя ты очень самолюбивъ, а все-таки увидишь разницу между тобой и рабочимъ. Водовозъ очень бѣденъ, —вы, богачи, презираете его,—а все-таки онъ служитъ людямъ, приноситъ имъ пользу. А ты какую пользу приносишь людямъ? Я вижу на лицѣ твоемъ морщины гнѣва,—зачѣмъ? Оставь это, давай лучше дружески побесѣдуемъ. Ты проживаешь ежегодно до сорока талантовъ, это составляетъ больше ста рублей въ день.

— Ну, что жъ,—перебилъ его Филомедонъ:—я и тебѣ желаю того же, и ты самъ виноватъ, что не хочешь раздѣлить со мною хлѣбъ-соль, я давно приглашалъ тебя быть моимъ застольнымъ товарищемъ, но ты слишкомъ гордъ и всегда отказываешься.

-- Нѣтъ, я не гордъ, Филомедонъ, а спокоенъ, и не хочу и не могу предаваться страстямъ. Я свободенъ отъ этихъ страстей, и свободу свою я не промѣняю ни на какія сокровища міра.

— И я, Діогенъ, не чувствую себя рабомъ. Богатство валится мнѣ, какъ будто съ неба, я только не отталкиваю его отъ себя и наслаждаюсь имъ, и въ этомъ я самъ себѣ господинъ, такъ же, какъ и ты.

— Нельзя сравнить меня и тебя. Вѣдь все, что ты истребляешь,—у кого-нибудь отбирается. А я почти ничего ни у кого не беру.

— Но мои доходы принадлежатъ мнѣ по праву.

— Да если бъ даже ты имѣлъ право владѣть всѣмъ этимъ богатствомъ, сколько же ты долженъ отдавать людямъ во имя простой справедливости? Сколько льготъ, сколько разныхъ выгодъ и правъ даетъ тебѣ твое бо-

гатство! Чѣмъ же платишь ты людямъ, дающимъ тебѣ все это?

— Но вѣдь и ты, Діогенъ, получаешь отъ людей много выгодъ. Чѣмъ же ты расплачиваешься съ ними?

— И въ этомъ между нами большая разница. Посмотри на меня, чѣмъ пользуюсь я отъ людей. Мнѣ нужно только, чтобы мнѣ позволили дышать свѣжимъ воздухомъ, пить чистую воду, да не давали бы мнѣ умереть съ голоду, а для этого, ты знаешь, какъ мало мнѣ нужно. Одежда тоже у меня не роскошная. и я увѣренъ, что люди, и въ этомъ числѣ мои сожители, коринѳяне, по своей доброй волѣ позволили бы мнѣ носить такую одежду. Если у меня отнимутъ эту послѣднюю мою одежду, я останусь голый, и видъ моей наготы заставитъ перваго встрѣчнаго прикрыть мое тѣло какой-нибудь дерюгой, и я опять буду одѣтъ. Если я буду страдать отъ голода, то самый видъ моихъ страданій возбудитъ жалость въ людяхъ, и они накормятъ меня, и я буду сытъ. Въ этомъ я увѣренъ, и потому спокоенъ, и считаю себя вполнѣ обезпеченнымъ. Для того, чтобы достигнуть такого спокойствія, нужно имѣть какъ можно меньше, такъ мало, чтобы у каждаго бѣдняка было больше, чѣмъ у тебя, чтобы никто не могъ завидовать тебѣ. Только тогда ты будешь счастливъ. Теперь взгляни на себя, Филомедонъ: чего ты требуешь отъ людей? Вѣдь ты былъ бы недоволенъ, если бъ люди давали тебѣ то же, что и мнѣ. Ты требуешь отъ нихъ гораздо больше. Одни изъ нихъ должны пахать твои нивы, другіе стеречь твои стада, а иные работать на твоихъ фабрикахъ, ткать и шить твои дорогія одежды или ковры, которыми ты устилаешь свои комнаты и потомъ топчешь ногами. Ты требуешь, чтобы люди готовили кушанья, разводили виноградъ, а ты упиваешься его сокомъ. Ты требуешь, чтобы люди разыгрывали передъ тобой комедіи и трагедіи и пѣли твои любимыя пѣсни... Однимъ словомъ, все, что тебѣ требуется,—а сколько у тебя потребностей!—все это должны доставлять тебѣ другіе. Ты одинъ, валяясь, ничего не дѣлаешь, ничего, кромѣ того, что ѣшь, пьешь. тан-

цуешь, цѣлуешься, спишь и повелѣваешь, и все это ты дѣлаешь силою твоихъ сорока талантовъ, также отнятыхъ отъ тѣхъ же людей. Какъ же велики должны быть твои обязанности къ людямъ, а ты о нихъ и не думаешь! Тебя больше занимаетъ то, какія кушанья подадутъ тебѣ сегодня за обѣдомъ.

— Но вѣдь ты забываешь, Діогенъ, что все это дѣлаютъ для меня или рабы, и я ихъ за это кормлю, или вольные,—и я имъ за это плачу по уговору.

— Такъ, но только не забывай, что не ты дѣлаешь имъ благодѣяніе, давая деньги, а они, работая на тебя. Ты считаешь рабовъ своею собственностью, а вѣдь они такіе же люди, какъ и ты, и только сила или нужда заставляетъ ихъ подчиняться твоимъ прихотямъ. То же самое и съ наемниками. Тебѣ кажется, что между наемниками и тобою совершается свободный договоръ, по которому ты даешь имъ плату, а они даютъ тебѣ произведеніе трудовъ своихъ. Не обольщай себя! Это тоже рабство, только вмѣсто кнута, которымъ заставляютъ работать невольниковъ, здѣсь дѣйствуютъ деньги. Онѣ бьютъ иногда больнѣе кнута. Тебѣ отъ нечего дѣлать скучно, у тебя нѣтъ постоянной работы для добыванія хлѣба, онъ готовый валится тебѣ въ ротъ, и ты, чтобы разсѣять скуку, выдумываешь себѣ разныя затѣи, желанія твои скоро исполняются, ты уже давно пресытился, и теперь ты разжигаешь страсти и для этого изобрѣтаешь новыя забавы. Когда совѣсть твоя подаетъ голосъ свой, ты стараешься заглушить ее и для оправданія себя доказываешь, что твои затѣи приносятъ людямъ пользу, и ты одною рукою разоряешь и развращаешь окружающихъ тебя людей, а другой рукой навязываешь имъ какъ будто благодѣянія, но—такія, о которыхъ тебя никто и не проситъ. А что, если ты какимъ-нибудь образомъ очутишься въ положеніи человѣка, которому нужно добывать себѣ хлѣбъ? Вѣдь это можетъ случиться съ каждымъ. Что тогда ты станешь дѣлать? Вѣдь ты пальцемъ не умѣешь пошевелить безъ помощи слуги. Подумай обо всемъ этомъ и рѣши, кто

приноситъ больше пользы не только людямъ, но даже себѣ: ты или простой водовозъ?

XIII.

О правахъ и обязанностяхъ человѣка къ своему обществу.

Филомедонъ сильно призадумался, когда прослушалъ слова Діогена, а потомъ опять заговорилъ. Когда люди чувствуютъ, что имъ говорятъ правду, и они не знаютъ, что возразить, они часто вмѣсто возраженія говорятъ: а ты самъ что? Отчего не дѣлаешь того, что говоришь? Такъ поступилъ и Филомедонъ.

Когда Діогенъ доказалъ ему, что водовозъ гораздо полезнѣе его, онъ спросилъ Діогена:

— Ну, а самъ чѣмъ хотѣлъ бы ты быть? Водовозомъ или такимъ богачемъ, какъ я?

Діогенъ ему отвѣтилъ:

— Ни тѣмъ, ни другимъ, потому что я доволенъ своимъ положеніемъ.

— Но вѣдь и я могу быть доволенъ своимъ положеніемъ. Зачѣмъ же ты указываешь мнѣ на водовоза и совѣтуешь брать съ него примѣръ, а самъ не подражаешь ему? Вѣдь и ты не приносишь никакой пользы людямъ: ты не занимаешься ни художествомъ, ни ремесломъ, ни наукой, ты не пашешь землю, ничего не сѣешь, не состоишь ни въ какой должности, и дѣтей у тебя нѣтъ, значитъ и въ этомъ ты безполезенъ. Чѣмъ же ты оправдываешь себя?

— О пользѣ моей потомъ поговоримъ, а пока скажу только, что опять нельзя сравнивать меня и тебя; я прошу отъ моихъ сожителей коринѳянъ и другихъ грековъ и отъ всѣхъ другихъ народовъ всего міра только одного, чтобы мнѣ позволили жить, какъ и я не мѣшаю имъ жить. А не требую я ничего больше потому, что у меня нѣтъ ничего. У меня нѣтъ помѣстьевъ, нѣтъ

доходовъ, и потому я не нуждаюсь въ покровительствѣ сильныхъ.

— Ну, а родинѣ твоей, городу Синопу, неужели ты ничѣмъ не обязанъ?

— Не вижу разницы между Синопомъ и Коринѳомъ, гдѣ я теперь живу, или другимъ какимъ мѣстомъ. Надо же мнѣ было гдѣ-нибудь родиться, и то, что я родился въ Синопѣ, а не въ Аѳинахъ и не въ Римѣ — это простая случайность.

— Но вѣдь ты воспитывался и учился въ Синопѣ, значитъ все-таки получилъ отъ него кое-какія выгоды.

— Выгоднымъ можно назвать только хорошее воспитаніе, а я не могу похвастать своимъ: оно меня едва не погубило. Настоящее воспитаніе я получилъ въ Аѳинахъ отъ моего учителя Антисѳена, но вѣдь и онъ жилъ въ Аѳинахъ впроголодь, такъ что и за это нечего расплачиваться; а больше всего я считаю себя обязаннымъ собственному опыту.

— Но вѣдь твои родители и предки всѣ были синопцами, такъ что ты весь принадлежишь Синопу; ты членъ или гражданинъ этого общества, и потому оно можетъ требовать отъ тебя исполненія разныхъ обязанностей.

— Нѣтъ, это не такъ; то, что предки мои были гражданами Синопа, не обязываетъ меня быть тѣмъ же. Человѣкъ не по рожденію дѣлается гражданиномъ или членомъ какого-нибудь общества. Природа производитъ дѣтей своихъ свободными, — независимыми, равными, только съ одною обязанностью—сочувствія человѣка къ человѣку. Членомъ или гражданиномъ какого-нибудь особаго общества дѣлается человѣкъ только тогда, когда онъ требуетъ отъ этого общества какихъ-нибудь выгодъ себѣ, когда онъ становится подъ его защиту. Я не ищу защиты, не требую ничего ни отъ какого общества, и потому не называю себя ни гражданиномъ Синопа, ни Аѳинъ, ни Спарты, я гражданинъ всего міра!

— А что значитъ гражданинъ всего міра?

— Это значитъ такой человѣкъ, который, какъ я, не принадлежитъ ни какому отдѣльному обществу, а счи-

таетъ всю землю своимъ отечествомъ и всѣхъ людей своими соотечественниками или, еще лучше,—своими братьями, какъ бы ни отличался онъ отъ нихъ по мѣсту, гдѣ они живутъ, по говору, по пищѣ и одеждѣ и по другимъ обычаямъ жизни. Такой человѣкъ считаетъ своею обязанностью помогать всякому, кто нуждается въ его помощи, а если онъ не можетъ помочь ему, то все-таки не перестаетъ сострадать ему. Онъ старается предостеречь человѣка отъ опасности, когда видитъ его заблуждающагося, и радуется съ тѣмъ, кто наслаждается жизнью.

Суевѣрія, пристрастія, корыстныя намѣренія и другіе пороки всегда присущи намъ, когда мы считаемъ себя принадлежащими къ какому-нибудь особенному обществу, и боимся уронить себя въ его мнѣніи, и рабски слѣдуемъ многимъ его нелѣпымъ обычаямъ. Что въ такихъ обществахъ считается за высокую добродѣтель, то передъ судомъ разума представляется мерзкимъ порокомъ. А тотъ, кому одно общество или государство ставитъ памятникъ, тотъ въ лѣтописяхъ другого государства предается потомству на поруганіе, какъ человѣкъ неправедный и злой.

Одинъ только гражданинъ всего міра можетъ питать ко всѣмъ людямъ склонность чистую и одинаково ко всѣмъ справедливую. Горячее сердце его, не ослабѣвая отъ пристрастія, тѣмъ сильнѣе бьется при каждомъ побужденіи на всякое благое дѣло ради человѣчества. Его благоволеніе распространяется на всю природу. Онъ съ нѣжностью смотритъ на источникъ, утоляющій его жажду, на дерево, въ тѣни котораго онъ отдыхаетъ, и первый, кто къ нему подсядетъ, какого бы онъ ни былъ племени, будетъ ему землякомъ, а если еще при этомъ сердце сердцу откликнется, то—и другъ.

И такое отношеніе къ людямъ съ избыткомъ вознаграждаетъ его за лишеніе какихъ бы то ни было общественныхъ правъ и наградъ.

Такой человѣкъ привыкъ, кромѣ самаго необходимаго, находить ненужнымъ все прочее, что кажется необходимымъ людямъ, избалованнымъ покоемъ и роскошью,

и потому такому человѣку легко ужиться вездѣ, и онъ никому не будетъ въ тягость. Вотъ кого я называю гражданиномъ міра, и стараюсь самъ быть такимъ.

Ты и подобные тебѣ люди считаютъ меня безполезнымъ. Но вы сами виноваты въ этомъ, я вамъ кажусь безполезнымъ только потому, что не льщу вашему честолюбію, не укрѣпляю васъ въ вашихъ глупостяхъ и не толкаю васъ впередъ по пути, ведущему васъ къ погибели. Безумные, слѣпые люди, подумайте: развѣ не пользу приношу я вамъ этимъ самымъ обличеніемъ.

XIV.

Діогенъ и Александръ Македонскій.

Діогенъ былъ уже старъ, когда у македонянъ, сосѣдняго съ греками народа, вступилъ на престолъ знаменитый царь Александръ, сынъ Филиппа. Молодой царь былъ очень воинственный и сейчасъ же отправился воевать. Ему въ голову пришла гордая мысль покорить весь міръ и одному властвовать надъ всѣми. Съ этими мыслями онъ отправился въ путь, собравъ хорошо вооруженное войско. Ему сильно повезло на войнѣ, онъ сталъ покорять города за городами и всюду наводилъ страхъ своимъ пришествіемъ. Одними изъ первыхъ подчинились ему аѳинскіе и коринѳскіе греки.

Когда онъ подошелъ къ городу Коринѳу, въ окрестностяхъ котораго жилъ Діогенъ, многіе изъ коринѳскихъ ученыхъ и мудрецовъ, желая заслужить милость царя Александра, пришли къ нему на поклонъ и восхваляли его всякими льстивыми рѣчами.

Александръ уже много слышалъ про мудреца Діогена и ждалъ, что и онъ придетъ къ нему на поклонъ; но Діогенъ не нуждался въ милостяхъ царскихъ и не пошелъ къ Александру.

Александръ пробылъ нѣсколько дней въ Коринѳѣ и, не дождавшись Діогена, рѣшился самъ навѣстить его.

Діогенъ лежалъ въ саду подъ деревомъ, а солнце грѣло

его старое, но еще крѣпкое тѣло; онъ пріятно подремывалъ—и вдругъ почувствовалъ, что кто-то заслонилъ отъ него солнце, и оно перестало его грѣть. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою красиваго юношу, окруженнаго придворною свитою. По пышной одеждѣ и царскимъ украшеніямъ, Діогенъ догадался, кто стоитъ передъ нимъ, но нисколько не смутился. Онъ продолжалъ лежать, смотрѣлъ на Александра и ждалъ, что скажетъ ему этотъ нежданный гость.

— Ты ли тотъ Діогенъ, о которомъ я слышалъ по всей Греціи такъ много удивительныхъ разсказовъ?—спросилъ, наконецъ, Александръ.

— Да, я тотъ самый Діогенъ. А ты, вѣрно, Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго?

— Да, ты угадалъ.

— Что жъ тебѣ отъ меня нужно? - спросилъ еще Діогенъ.

— Я все ждалъ, что ты придешь ко мнѣ въ гости, и вотъ, не дождавшись, самъ явился къ тебѣ.

Александръ думалъ, что Діогенъ станетъ благодарить его за оказанную ему честь, но Діогенъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Александръ сказалъ:

-- Не могу ли я услужить тебѣ чѣмъ-нибудь? Проси у меня, чего хочешь; все, что въ моей власти, я исполню по твоей просьбѣ,—я глубоко почитаю великихъ мудрецовъ!

— Если хочешь оказать мнѣ услугу,—отвѣчалъ Діогенъ,—отойди отъ солнца, не затемняй его свѣтъ и теплоту; оно такъ пріятно грѣетъ мое старое тѣло.

Александръ отступилъ въ изумленіи. Отступили въ страхѣ и придворные, ожидая царскаго гнѣва за дерзкій отвѣтъ мудреца. Но Александръ не разсердился, на лицѣ его выразилась грусть, и онъ спросилъ Діогена:

— Неужели, кромѣ этого, я ничего не могу для тебя сдѣлать?

— Мнѣ больше ничего не нужно отъ тебя,—отвѣчалъ мудрецъ.

Александръ протянулъ руку къ Діогену и сказалъ:

— Прощай! Я долженъ сдержать свое обѣщаніе, не буду мѣшать солнцу согрѣвать тебя.

Потомъ, обращаясь къ своимъ придворнымъ, царь сказалъ:

— Пойдемте, намъ здѣсь больше нечего дѣлать.

Онъ ушелъ; за нимъ послѣдовали его приближенные. Дорогой Александръ былъ задумчивъ и молчалъ, а придворные громко выражали неодобреніе поступку Діогена и возмущались его дерзостью. Вдругъ Александръ обернулся и сказалъ:

— Замолчите, и знайте, что если бъ я не былъ царемъ Александромъ, я желалъ бы быть Діогеномъ.

Александръ былъ очень уменъ и хорошо понялъ слова Діогена. Онъ понялъ, что его богатство и власть ничего не могутъ дать Діогену,—что Діогенъ не только не завидуетъ ему, но считаетъ себя сильнѣе и богаче его, царя, потому что ему ничего не нужно,—что Діогенъ, прося его отойти, не загораживать солнца, не только это просилъ, но онъ хотѣлъ сказать этимъ, что царская слава и всѣ такъ называемыя великія торжественныя дѣла его, совершаемыя въ пышности и блескѣ, затемняютъ свѣтъ простого, истиннаго солнца правды.

Понялъ все это Александръ и задумался; но честолюбіе и стремленіе къ человѣческой славѣ были такъ сильны въ немъ, что слова Діогена не принесли плода.

Однако, Александру еще разъ захотѣлось увидѣть Діогена, и онъ пришелъ къ нему ночью одинъ, стыдясь своихъ приближенныхъ. Ему хотѣлось уговорить Діогена слѣдовать за нимъ въ его военныхъ походахъ. „Такой замѣчательный мудрецъ былъ бы хорошимъ украшеніемъ моей свиты,—думалъ Александръ, да кромѣ того, онъ былъ бы полезенъ мнѣ тѣмъ, что не сталъ бы кривить душой и говорилъ бы мнѣ правду“.

И вотъ однажды онъ опять пришелъ къ Діогену, одинъ, безъ свиты, и сталъ его просить объ этомъ. Но Діогенъ зналъ, что, находясь при дворѣ, среди роскоши и великолѣпія, онъ лишится самого дорогого ему,—свободы, и наотрѣзъ отказалъ царю въ его просьбѣ.

— Жаль,—отвѣчалъ Александръ,—а ты бы мнѣ помогъ въ исполненіи моего намѣренія.

— А какое твое намѣреніе?

— Да мнѣ тѣсно показалось въ моемъ царствѣ Македоніи. Я иду воевать и хочу покорить себѣ всю Грецію, Малую Азію, Арменію, Мидію, Индію,—однимъ словомъ, всю землю. Вѣдь вся земля состоитъ изъ одного куска, такъ и нужно, чтобы надъ нею былъ одинъ правитель.

— Но если тебѣ тѣсно въ Македоніи и ты идешь покорять сосѣднія страны, такъ вѣдь тебѣ и вся земля тѣсной покажется, когда ты ее покоришь, и тогда тебѣ придется строить мостъ на луну и на солнце, чтобъ завоевать весь міръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ желать невозможнаго, а мое намѣреніе легко исполнимо.

— Ты молодъ, уменъ и храбръ; войска тебѣ легко подчиняются, очень можетъ быть, что тебѣ и удастся завоевать всѣ царства; но скажи, что ты съ ними будешь дѣлать?

— А я и объ этомъ подумалъ: я построю въ пустынныхъ мѣстахъ новые города и села, соединю ихъ удобными дорогами; въ новыя селенія привлеку жителей изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ много, дамъ всѣмъ подданнымъ моимъ новые лучшіе законы. Всѣ они будутъ говорить однимъ языкомъ, и я заведу у нихъ наши науки и художества. А чтобы легче было управлять всѣмъ этимъ, посреди моихъ владѣній я построю большой городъ и онъ будетъ моею столицею. И тогда я устрою порядокъ, и всѣмъ будетъ хорошо жить на землѣ. Я чувствую, что мнѣ на это даны силы и способности отъ боговъ.

— И долго ты думаешь такъ царствовать?—спросилъ его Діогенъ.

— Не знаю, но что жъ, если я скоро умру, дѣло мое будутъ продолжать мои наслѣдники, если будутъ того достойны. А если даже съ моею смертью и рушится все это предпріятіе, я все-таки однимъ намѣреніемъ своимъ оставлю послѣ себя безсмертную славу.

— Но вѣдь ты хочешь, Александръ, подчинить своей единой власти сотни милліоновъ людей, вѣдь это не легко. Сколько придется тебѣ пролить человѣческой крови, пока достигнешь этого, подумалъ ли ты объ этомъ?

— Да, жаль, много головъ погибнетъ, безъ этого не

обойдется; но это не можетъ меня остановить. Люди плодовиты, народятся снова.

— Вижу, Александръ, что ты воодушевленъ пылкою страстью, и разубѣждать мнѣ тебя было бы безполезно. Но вотъ тебѣ мой совѣтъ: не забывай, что не всѣ благословляютъ тебя, а многіе проклинаютъ; не забывай, что послѣдній твой рабъ такъ же чувствителенъ къ боли и удовольствію, какъ и ты самъ, и что ты во всемъ твоемъ царскомъ величіи такъ же немощенъ, какъ и онъ. Помни, что стоитъ только одному изъ твоихъ воиновъ пустить стрѣлу, или одному изъ твоихъ прислужниковъ капнуть каплю яда въ твое питье, чтобы разлетѣлись впрахъ всѣ твои замыслы. Тебя окружаютъ льстецы. Они станутъ воздавать тебѣ божескіе почести, и тотъ самый часъ, въ который ты впадешь въ искушеніе и повѣришь, что ты болѣе, чѣмъ простой смертный, будетъ часомъ твоей погибели.

Александръ внимательно слушалъ слова Діогена, и они глубоко затронули его молодую душу. Ему хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить мудреца, и онъ съ сожалѣніемъ воскликнулъ:

— Неужели же я въ самомъ дѣлѣ ничего не могу для тебя сдѣлать, Діогенъ?

— Мнѣ ничего не нужно. Но вѣдь ты знаешь, сколько подъ твоею властью есть страдающихъ и угнетенныхъ. Если хочешь сдѣлать мнѣ пріятное, облегчи, на сколько можешь, ихъ бѣдственную участь.

— Ты счастливъ, Діогенъ, что ничего не желаешь, но прими хотя мою дружбу!

— Прости меня, Александръ, но я не могу не сказать тебѣ того, что думаю. Царь не можетъ быть другомъ и не можетъ имѣть друзей.

— Діогенъ, если бы я побылъ дольше съ тобою, то чувствую, что я остался бы жить съ тобою въ твоемъ шалашѣ. Но для міра довольно одного Діогена.

— Этого я не знаю, но знаю навѣрное, что міръ погибъ бы между двухъ Александровъ.

— Ты правъ, старикъ, прощай!

И они навсегда разстались.

XV.

Старость и смерть Діогена.

Такъ и состарился Діогенъ на своемъ учительствѣ, и сталъ чувствовать приближеніе смерти. Онъ никогда не боялся ея и съ твердостью духа ожидалъ ея пришествія.

Иногда ученики его разговаривали съ нимъ о смерти и спрашивали его, не боится ли онъ ея прихода. На это Діогенъ отвѣчалъ имъ: „Какъ же можно бояться смерти, когда никто никогда не видалъ ея?"

Другіе ученики, споря съ нимъ о смерти, называли ее зломъ, Діогенъ возражалъ имъ:

— Вѣдь никто никогда изъ живыхъ людей ея не зналъ, почему же вы ее называете зломъ?

Спокойно переносилъ Діогенъ и угрозы людей, хотѣвшихъ убить его.

Такъ, разъ правитель города Аѳинъ за смѣлое слово, сказанное Діогеномъ, размахнулся на него и крикнулъ: „Я убью тебя!"

Діогенъ спокойно отвѣчалъ ему: „Убить ты меня можешь, только этимъ ты никого не удивишь, потому что скорпіонъ или какая-нибудь гадина и даже ядовитое растеніе могутъ сдѣлать то же самое".

Когда Діогенъ состарился, и силы его стали слабѣе, одинъ изъ учениковъ его, не понявшій, какъ слѣдуетъ, его ученія, сталъ его уговаривать бросить свою бездомную жизнь и хотя подъ старость успокоить себя въ домѣ своего пріятеля. Діогенъ съ грустью отвѣчалъ ученику: „Я почти добѣжалъ до цѣли, неужели теперь, когда уже осталось такъ мало, ты хочешь, чтобы я остановился и погубилъ работу всей моей жизни?"

Видя его нищету и бездомность, кто-то спросилъ его:

— Подумалъ ли ты о томъ, кто тебя похоронитъ?

Діогенъ отвѣчалъ ему:

— Тотъ, кому понадобится моя квартира.

Разъ Діогенъ услыхалъ, что одинъ человѣкъ печалит-

ся о томъ, что ему не придется умереть на своей родинѣ.

Діогенъ съ усмѣшкой сказалъ ему:

— Глупый, не все ли тебѣ равно, въ какой ямѣ будетъ гнить твое тѣло?

Смотря, какъ убирали тѣло покойника, натирали пахучими мазями и обкуривали разными духами, онъ говорилъ:

— Странные люди! при жизни, когда нужно пользоваться здоровымъ тѣломъ, они изнуряютъ его невоздержаніемъ въ разныхъ похотяхъ, а когда умрутъ, и тѣло имъ станетъ ни на что негодно, они стараются сберечь его навсегда.

Его спрашивали, что дѣлать съ его тѣломъ, когда онъ умретъ? Онъ отвѣчалъ:

— Положите около меня палку, чтобъ я могъ отгонять отъ себя хищныхъ звѣрей.

— Да, вѣдь, ты ничего не будешь чувствовать, — возражали ему. Какъ же ты будешь дѣйствовать палкой?

— Такъ зачѣмъ же вы меня спрашиваете? Если я не буду чувствовать, то не все ли мнѣ равно, что будетъ съ моимъ тѣломъ. Пускай его съѣдятъ собаки, по крайней мѣрѣ моя смерть принесетъ имъ пользу, а если они не удостоятъ меня такой почести, то погребеніе мое будутъ совершать солнце, вѣтеръ и дождь. Любой царь позавидуетъ такому почету.

Діогенъ дожилъ до глубокой старости; когда онъ умеръ, ему было 90 лѣтъ.

Разъ утромъ ученики Діогеновы пришли, по обыкновенію, къ его жилищу. Онъ лежалъ завернутый въ свой плащъ и какъ будто спалъ. Ученики удивились, что Діогенъ спитъ такъ долго, чего съ нимъ никогда не бывало Они подождали немного, наконецъ рѣшились сдернуть съ него плащъ, и къ большой горести своей нашли учителя мертвымъ. Они такъ вѣрили въ силу его духа, что между ними сложился разсказъ, что Діогенъ умеръ добровольно, т.-е. только потому, что пересталъ хотѣть жить.

Тѣло его похоронили въ городѣ Коринѳѣ и поставили

ему бронзовый памятникъ, а на немъ сдѣлали надпись: „Время точитъ и камень и бронзу, но слова твои, о Діогенъ, будутъ жить вѣчно! Ты училъ людей благу, котораго они сами могутъ достигнуть, и показалъ имъ средства спокойно и радостно жить“.

XVI.

Ученики Діогена.

Ученіе Діогена слушали почти всѣ жители тѣхъ городовъ и селеній, гдѣ жилъ или проходилъ Діогенъ, и всѣмъ, кто понималъ его, оно было на пользу, и жизнь тѣхъ людей мѣнялась хоть немного къ лучшему.

Однако, не всѣ ученики поддержали славу своего учителя.

У самого Діогена, какъ и у всѣхъ людей, были слабости. Такъ, иногда онъ очень грубо обращался съ людьми.

Разсказываютъ, напримѣръ, что разъ онъ пришелъ въ домъ одного богача. Комнаты его были устланы дорогими коврами: стѣны увѣшаны картинами, оружіемъ и разными драгоцѣнностями. Войдя въ комнату, Діогенъ кашлянулъ и захотѣлъ сплюнуть. Онъ оглянулся вокругъ и не могъ найти такого мѣста, куда бы можно было плюнуть. Вездѣ все блестѣло и лоснилось, такъ что жаль было пачкать. Тогда Діогенъ обернулся къ хозяину и плюнулъ ему въ бороду.

— Что ты дѣлаешь?—вскричалъ хозяинъ.

— Я не нашелъ болѣе грязнаго мѣста,—отвѣтилъ Діогенъ.

Хозяинъ волей-неволей перенесъ эту грубость. Діогена такъ уважали, что и такія выходки проходили ему безнаказанно.

Но другимъ его ученикамъ этого не позволяли. Діогенъ любилъ простоту, а плохо понявшіе его ученики вмѣсто простоты переняли отъ него только грубость, да неряшливость, да еще отъ себя прибавили, и вышло ни на

что не похоже. Такимъ образомъ сами Діогеновы ученики и послѣдователи наиболѣе повредили его ученію въ глазахъ людей. Такова судьба многихъ великихъ ученій.

Самого Діогена еще при жизни его прозвали собакой. Сначала просто знатные люди говорили про него, что онъ живетъ какъ собака. Потомъ стали смѣяться и спрашивать его:

— Почему тебя называютъ собакой?

Онъ шутя отвѣчалъ:

— Оттого, что я лаю на праздныхъ и огрызаюсь на злыхъ.

Такъ за нимъ и осталось это прозвище. „Собака" погречески ціонъ; а потомъ и учениковъ Діогена стали называть *циниками*.

Тѣ изъ учениковъ Діогена, которые не поняли какъ слѣдуетъ его ученія, своею грубостью и неряшливостью въ дѣлахъ и словахъ заслужили общее презрѣніе, такъ что слово циникъ стало потомъ браннымъ и сохранилось такимъ до нашего времени. Циникъ значитъ теперь то же, что безстыдникъ; но дурная молва о циникахъ не можетъ затмить заслугъ Діогена.

Были и такіе изъ слушателей Діогена, которые не только хорошо поняли его, но захотѣли и жить такъ точно, какъ жилъ самъ Діогенъ, во всемъ слѣдовать его ученію и потомъ своею жизнью и словомъ учить людей тому же. Изъ такихъ послѣдователей болѣе замѣчательны слѣдующіе:

Монимъ, уроженецъ города Сиракузы, жилъ у одного банкира въ Коринѳѣ. Ксеніадъ, у котораго жилъ Діогенъ, былъ знакомъ съ Монимомъ и, навѣщая его, часто много разсказывалъ ему про жизнь и ученіе Діогена. Монима такъ поразило это ученіе, что онъ бросилъ банкъ и своего хозяина и сталъ ходить къ Діогену учиться его мудрости. Хозяинъ Монима всѣмъ разсказывалъ, что его помощникъ сошелъ съ ума, и его знакомые повѣрили этому, когда банкиръ сказалъ, что Монимъ не беретъ у него денегъ и говоритъ, что онѣ ему не нужны.

Монимъ отличался проницательнымъ умомъ, больше всего любилъ правду и презиралъ славу и богатство.

Онъ написалъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ поучалъ людей праведной жизни.

Кратесъ и жена его Гиппархія. Кратесъ былъ знатнаго рода и очень богатъ. Когда онъ узналъ ученіе Діогена, онъ роздалъ всѣ свои богатства и сдѣлался нищимъ. Говорятъ про него, что онъ часть денегъ своихъ положилъ въ городскую казну и просилъ хранить тамъ, пока подрастетъ его сынъ.

— Если онъ будетъ мудрецомъ,—говорилъ Кратесъ,—тогда ему деньги не понадобятся, употребите ихъ на городскія нужды; а если онъ отъ меня не научится мудрости, тогда отдайте ему мои деньги.

Онъ былъ очень уменъ и жалостливъ къ людямъ. И его всѣ любили, несмотря на его убогую наружность. Онъ былъ горбатъ, некрасивъ съ лица и ходилъ въ грубой, грязной одеждѣ, часто въ лохмотьяхъ. Палка да сумка составляли все его имущество. Онъ говорилъ про себя:

— У меня нѣтъ ни своего родного дома, ни своей кровли, гдѣ бы я могъ укрыться, но жить я могу во всѣхъ городахъ и домахъ всего міра.

Александръ, царь Македонскій, спросилъ его разъ: желаетъ ли онъ освобожденія своего отечества?

— Зачѣмъ, — отвѣтилъ Кратесъ, — только для того, чтобы другой такой же Александръ опять заполонилъ и разорилъ его? Бѣдность моя и презрѣніе къ славѣ—вотъ мое отечество и богатство, ихъ у меня никто не отниметъ.

Гиппархія, дочь богатыхъ и знатныхъ родителей, услыхала разъ, какъ Кратесъ училъ народъ, и такъ плѣнилась его мудростью, что полюбила его и объявила родителямъ, что ни за кого больше не пойдетъ замужъ, какъ только за Кратеса. Родители ужаснулись и стали отговаривать дочь, но ни угрозы, ни ласки на нее не дѣйствовали.

Она отказывала всѣмъ знатнымъ женихамъ и объявила родителямъ, что если они ей не позволятъ выйти замужъ за Кратеса, то она лишитъ себя жизни.

Тогда родители обратились къ самому Кратесу и про-

сили его подѣйствовать на нее. Кратесъ представлялъ ей всѣ трудности и невзгоды такой жизни, какую онъ ведетъ, говорилъ, что ей придется жить въ нищетѣ и грязи, что придется выносить грубость его обхожденія; но она отвѣчала, что готова на все. Родители стали просить Кратеса самого отговорить ее. Кратесъ сказалъ ей, что ради нея онъ не измѣнитъ своей жизни и ей придется быть бродягой, какъ и онъ, и выносить много невзгодъ и позора. „Я готова на все и всюду пройду ее за тобой!“ отвѣтила Гиппархія. Тогда Кратесъ скинулъ передъ ней одежду свою и показалъ ей свой горбъ, думая уродствомъ своимъ отвратить ее отъ себя. Но и это ея не поколебало. Тогда родители согласились и отдали ее за Кратеса. Она одѣлась въ самую грубую одежду и стала бродягой, какъ ея мужъ.

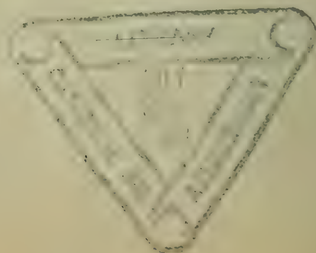
Такъ они жили на улицѣ и спали на площади, подъ воротами храма. Когда Кратесъ училъ, жена, хорошо понимая его, помогала ему и разъясняла его слова. У нихъ былъ одинъ сынъ и двѣ дочери. Сынъ женился на одной бѣдной служанкѣ, а дочери вышли замужъ за учениковъ отца.

У Кратеса было много учениковъ, но между ними особенно замѣчателенъ *Зенонъ*; онъ много своего прибавилъ къ ученію Діогена и Кратеса и сталъ учить другихъ. Отъ его ученія пошли мудрецы, которыхъ потомъ назвали *стоиками*. Между ними особенно замѣчательны: римскій мудрецъ Эпиктетъ и римскій императоръ Маркъ-Аврелій.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

Историческіе разсказы и жизнеописанія.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ, знаменитый завоеватель, прозванный Великимъ. Ц. 10 к.

ВЕЛИЧКИНА, В. **Другъ дѣтей.** Разсказъ о замѣчательномъ швейцарскомъ учителѣ Генрихѣ Песталоцци. Ц. 9 к.

ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ, И. Живая любовь. Разсказъ о томъ, какъ жилъ, трудился и умеръ Даміанъ де-Вестеръ, другъ прокаженныхъ. Съ рис. Ц. 10 к.

ГРЕКОВЪ, К. Елизавета Тюрингенская. Историч. разсказъ. Ц. 3 к.

ГУСЕВЪ, Н. Великій борецъ за правду Іеронимъ Савонаролла. Историческ. очеркъ. Ц. 3 к.

Разсказы объ инквизиціи. Ц. 12 к.

Жизнь древнихъ христіанъ. Ц. 3 к.

ЖИЛИНА-ДЬЯКОНОВА, Е. Царство фараона. Разсказы изъ исторіи Египта. Съ рисун. Ц. 30 к.

Іоаннъ воинъ. Ц. 1 к.

ЛУКЬЯНСКАЯ, В. Три тысячи лѣтъ тому назадъ. О великихъ войнахъ и мирной жизни греческаго народа и греческихъ мудрецахъ. Съ рис. Ц. 43 к.

ОРЛОВСКІЙ, С. **Желѣзныя дороги и Георгъ Стифенсонъ** Ц. 1½ к.

СВѢШНИКОВЪ, Е. Францискъ Ассизскій. Разсказъ. Ц. 1½ к

СУТТНЕРЪ, Б. Долой оружіе! Повѣсть. Ц. 18 к.

ТОЛСТОЙ, Л. Осада Севастополя. Повѣсть. Ц. 3 к.

ЯНТАРЕВА, Р. Марраны. Повѣсть. Ц. 3 к.

Изданія **„Посредника“** продаются въ книжномъ магазинѣ **„Посредникъ“** (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать можно изъ главнаго склада изданій **„Посредника“**: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, **И. И. Горбунову.**

Цѣна 14 к., въ обрѣзной папкѣ **19 к.**

